

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АНЖЕРО-СУДЖЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»

Слово писателя- земляка

Сборник

Анжеро-Судженск
2025

Составитель Лукьянова О. Н.

Слово писателя-земляка: сборник / сост. : О. Н. Лукьянова. – Анжеро-Судженск, МБУК «ЦБС», 2025. – 115 с.

В год 80-летия Победы Великой Отечественной войны мы отдаем дань памяти земляку - журналисту, писателю Владимиру Михайловичу Чугунову.

Сборник создан в рамках Всекузбасских проектов «Писатели Кузбасса о войне» и «Новое прочтение: книги о войне». Эти инициативы направлены на сохранение и популяризацию памяти о Великой Отечественной войне, а также на осмысление ее исторического значения через творчество наших земляков.

ОБ АВТОРЕ

Статьи о Владимире Чугунове из газет, журналов, книг.

Слово писателя-земляка Владимира Чугунова

Сегодня мы даем страницу, посвященную нашему земляку поэту Владимиру Чугунову.

Владимир Михайлович Чугунов родился 5 мая 1911 года на станции Иланской, в семье железнодорожного врача. В Омске он окончил среднюю школу и горпромуч в Анжеро-Судженске, получил специальность машиниста врубовой машины.

Некоторое время В. М. Чугунов работал на шахте, затем в редакции газеты «Борьба за уголь». Решив продолжать свое образование, В. М. Чугунов поступает в Томский горный институт на геологоразведочный факультет.

Первые одобренные омской литературной общественностью стихи вдохновили его на постоянную деятельность в области литературы.

Учился ли он в горшпромуче, в горном институте или работал на шахтах Анжеро-Судженска, он уже не мог не писать. В. М. Чугунов писал не только стихи, но и пробовал свои силы в прозе - создавал рассказы и очерки о студентах, о шахтерах Сибири периода двадцатых годов.

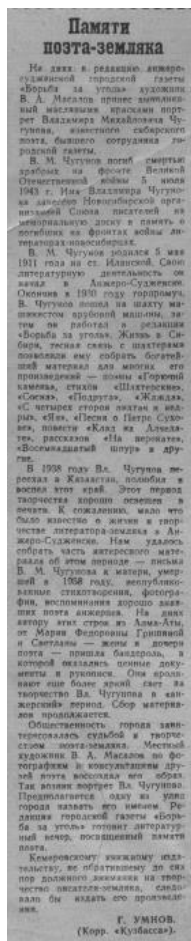
Сибирь знала Чугунова по его первой книге «Горючий камень». Он печатался в различных периодических изданиях: «Сибирские огни» (Новосибирск), «Будущее Сибири» (Иркутск), «Красное знамя» (Томск), «Борьба за уголь» (Анжеро-Судженск) и других.

С 1938 года поэт жил в Казахстане. И здесь его имя можно было встретить в каждой крупной газете, в каждом журнале. Некоторые из этих работ появлялись в газетах Омска, Анжеро-Судженска, Томска, Кемерово, Новосибирска. Некоторые так и не появились в печати, а сохранились в рукописях.

При жизни этого талантливого поэта сибиряка, связавшего свою литературную судьбу с Казахстаном лишь в последние годы, в свет вышел только один сборник его стихов «Горючий камень» (Новосибирск, 1939 год). Второй сборник стихов В. М. Чугунова «Огненная роспись», изданный в Алма-Ате в 1946 году, явился посмертным изданием его произведений. Затем выходили и другие сборники.

Жизнь поэта-прозаика В. М. Чугунова оборвалась славным боевым подвигом на древней курской земле во имя счастья и жизни советского народа. 5 июля 1943 года он пал смертью храбрых.

Памяти поэта-земляка

На днях в редакцию анжеро-судженской городской газеты «Борьба за уголь» художник В. А. Масалов принес выполненный масляными красками портрет Владимира Михайловича Чугунова, известного сибирского поэта, бывшего сотрудника городской газеты.

В. М. Чугунов погиб смертью храбрых на фронте Великой Отечественной войны 5 июля 1943 г. Имя Владимира Чугунова занесено Новосибирской организацией Союза писателей на мемориальную доску в память о погибших на фронтах войны литераторах-новосибирцах.

В. М. Чугунов родился 5 мая 1911 года на ст. Иланской. Свою литературную деятельность он начал в Анжеро-Судженске. Окончив в 1930 году горпромуч, В. Чугунов пошел на шахту машинистом врубовой машины, затем он работал в редакции «Борьба за уголь». Жизнь в Сибири, тесная связь с шахтерами позволили ему собрать богатейший материал для многих его произведений — поэмы «Горючий камень», стихов «Шахтерские», «Сосна», «Подруга», «Жажда», «С четырех сторон пихтач и кедры», повести «Клад на Алчедате», рассказов «На перекате», «Восемнадцатый шпур» и другие.

В 1938 году Вл. Чугунов переехал в Казахстан, полюбил и воспел этот край. Этот период творчества хорошо освещен в печати. К сожалению, мало что было известно о жизни и творчестве литератора-земляка в Анжеро-Судженске. Нам удалось собрать часть интересного материала об этом периоде —

письма В. М. Чугунова к матери, умершей в 1958 году, неопубликованные стихотворения, фотографии, воспоминания хорошо знавших поэта анжерцев. На днях автору этих строк из Алма-Аты, от Марии Федоровны Гришиной и Светланы - жены и дочери поэта - пришла бандероль, в которой оказались ценные документы и рукописи. Они проливают еще более яркий свет на творчество Вл. Чугунова в «анжерский» период. Сбор материалов продолжается.

Общественность города заинтересовалась судьбой и творчеством поэта-земляка. Местный художник В. А. Масалов по фотографиям и консультациям друзей поэта воссоздал его образ. Так возник портрет Вл. Чугунова. Предполагается одну из улиц города назвать его именем. Редакция городской газеты «Борьба за уголь» готовит литературный вечер, посвященный памяти поэта.

Г. Умнов.
(Корр. «Кузбасса»).

Слово о нашем земляке

В один из августовских дней 1941 года в кабинет редактора городской газеты зашел молодой человек среднего роста, с волнистыми, чуть рыжеватыми волосами. Он представился:

- Владимир Чугунов. Принес стихи.

Короткое, горячее стихотворение «По врагу» газета поместила на первой странице. А через несколько дней на шахтах Анжеро-Судженска появились призывы, состоящие из первых двух строк чугуновского стихотворения «Уголь - это бомбы и снаряды, уголь - это смерть врагу».

Так стихи сами нашли дорогу к сердцам шахтеров.

Прошло восемнадцать лет. В августе 1959 года в ту же редакцию местный художник Масалов принес портрет поэта. Перед нами встал образ нашего товарища: в светлой, мечтательной думе простое русское лицо, голубые умные глаза. И, кажется, снова живым он вошел в знакомый круг - то

веселый балагур, то скромный и внимательный собеседник, то человек, просиживающий в уединении долгие часы за работой.

Мы его звали Володей, за его спиной хмелем перекипала молодость. Всегда жизнерадостный, веселый увлеченный своей работой - таким он встает сейчас перед нами.

Губительная война вырвала из литературы талантливого ее служителя, не успевшего сделать многого из задуманного. Особенно напряженно работал поэт в дни Отечественной войны. Он писал о людях, кующих победу в тылу. Его стихи волновали сердца читателей.

Не военкомат, а совесть гражданина-поэта позвала его в бой. И на фронте, в дни тяжелых боев лейтенант Владимир Чугунов не оставлял пера, вдохновляя бойцов на ратные подвиги. Его стихи не только печатались в армейских газетах, но и переписывались и заучивались друзьями. За 25 дней до своей гибели поэт писал:

Хорошо, товарищ, после боя,
Вдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой.
И в затишшем орудийном гуле.
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

Перед смертью Чугунов получил письмо из дома, которое бережно носил в левом нагрудном кармане. В конверте был и листочек от дочери, которой он посвятил чудесное стихотворение «Светлана». Детская рука, очевидно,

при помощи взрослой, чертила: «Папа, убей фашистов и приезжай домой».

Фронтовой друг поэта С. Кровцов так описывает смерть Владимира Чугунова: «Первые ряды атакующих достигли ложка. Владимир Чугунов, не задерживаясь, выстрелил в упор из пистолета в поднявшегося фашиста и ринулся дальше. Пробежав метров четыреста, я услышал режущий скрежет падающего снаряда. Страшный удар взрывной волны бросил меня на землю. Падая, я увидел, как Владимир Чугунов, бежавший впереди метрах в ста, тоже будто бы приостановился, сделал два неверных шага, упал.

Я рывком вскочил и бросился к нему.

- Володя! Владимир! - закричал я, ложась рядом с ним. - Владимир! Это я. Сергей! - Схватив его за плечи, я стал тормошить, но тело было безжизненное, обмякшее. Я повернул его на спину. На подбородке, чуть кровоточа, зияла небольшая ранка. Немного ниже левого грудного кармана расплылось большое темное пятно».

Чугунов был убит в бою на Курской дуге. Похоронили его недалеко от станции Безлюдовск, ниже дороги на Будно, похоронили в гробу, сбитом из досок снарядных ящиков. Солдаты его взвода поставили надпись: «Здесь похоронен Владимир Чугунов - воин-поэт-гражданин, павший пятого июня 1943 года».

Много лет спустя сибирский поэт Александр Смердов писал матери Чугунова Серафиме Александровне:

«Мы, товарищи и сверстники, друзья Владимира Михайловича, хорошо помним его, очень ценим и сейчас его талантливые стихи... Имя Владимира Михайловича занесено на мемориальную доску, которая установлена у нас в

писательской организации в память о павших на фронтах Великой Отечественной войны литераторах-новосибирцах...»

Владимир Михайлович Чугунов родился 5 мая 1911 года на станции Иланской в семье железнодорожного врача. В Омске он учился в средней школе. Вскоре семья Чугуновых переезжает в Анжеро-Судженск, там юноша поступает в школу горнопромышленного ученичества. Через два года он получает квалификацию машиниста легких врубовых машин. Выходец из интеллигентной семьи (дед поэта Сергей Михайлович был доцентом Томского университета, отец - врач, мать - педагог), Чугунов гордился своей рабочей профессией. С шахты Чугунов был отозван на работу в редакцию газеты «Борьба за уголь».

Писать Чугунов стал рано. Будучи еще учеником горпромуча, Володя лучше других, содержательнее, красочнее выполнял литературные работы, постоянно участвовал в выпуске стенной газеты. В ней помещались и стихотворения Володи. Работа в редакции газеты «Борьба за уголь» была для него школой литературного творчества. Писал он заметки, корреспонденции, стихи, очерки, стихотворные Фельетоны. В эти годы он начинает печататься и в литературных журналах, в частности в «Сибирских огнях».

Анжеро-Судженск дал Чугунову много тем. Работа в шахте, в гуще горняцкого коллектива жизнь в шахтерском городе помогли ему собрать богатый материал для стихов и рассказов.

В его стихах самым привлекательным было чувство неразрывной связи со всем огромным миром, в котором он жил. До глубины души волновала и трогала его могучая, бескрайняя природа Сибири...

Но даже в пейзажных стихах поэт никогда не обходил человека:

Из таких ручьев в Сибири
Воду черпают руками.
Раздувая ноздри шире.
Пьют короткими глотками.
Потому ребята крепки.
Коренасты, конопаты.
Золотые кудри кепкой
Не прикроешь: маловата...

В 1936 году Владимир Чугунов был принят в Союз советских писателей. В Сибири он был известен, как автор сборника стихов «Горючий камень».

Владимир Чугунов, как поэт и прозаик, «родился» в Анжеро-Судженске. Его здесь хорошо помнят. Но попробуйте в нашей области найти хоть одну книжку поэта. Алма-Атинским издательством выпущено несколько чугуновских книжек — «Избранное», «Золотая роспись», «Клад на Алчедате». Причем последняя книга вышла в 1959 году.

Почему же в Казахстане проявляют горячий интерес к творчеству Владимира Чугунова, а в Кузбассе, на родине поэта, до сих пор не издано ни одной его книги.

Г. Умнов

О газете и журналистах

Коренастый, несколько сутуловатый. Широкие и густые пшеничные брови, сходящие к переносью, напоминали размах птичьих крыльев. Светло-карие прозрачные, как дымчатый топаз, глаза, часто со смешинкой... Черный пиджачок поверх узорчатого, синего с белым, свитера. И характерный при разговоре жест правой руки, водворяющий на место упрямо сползающую на лоб золотистую прядь волос. Только при письме, увлекшись работой, позабывал он убирать ее...

Таким по внешности остается в моем представлении двадцатилетний Владимир Чугунов.

Мое знакомство с ним состоялось в марте 1931 года во время работы в редакции «Борьба за уголь».

Часто, переодевшись в шахтерские спецовки, мы спускались с ним в шахты. Чугунов, недавно отозванный с шахты на работу в газете, прекрасно ориентировался в вопросах угледобычи. Он знакомил меня с бригадами, передовиками, с начальниками участков, с руководящими работниками шахт и треста. Мы совместно обрабатывали собранный материал. Это, естественно, сближало нас. Нашему сближению способствовала также и работа выездной редакции

газеты «Борьба за уголь» непосредственно в шахте 9-10 (сейчас 9-15).

Первый спуск в шахту для организации выездной редакции, когда мы транспортировали под землю «бостонку» - небольшой ручной печатный станок - и несколько ящиков шрифта, производился чуть ли не в полном составе редакции. Были тут и ныне покойные зав. типографией И. П. Беспалов и старейший шахтер, ставший штатным сотрудником газеты И. А. Бейманов, и выпускающий П. Заболотский и другие. В выпуске следующих номеров подземной газеты участвовало уже ограниченное число редакционных сотрудников, но всегда - Володя Чугунов.

Редакция помещалась недалеко от шахтного ствола. На месте, непосредственно в лаве, забое организовывали мы материал, здесь же, под землей, обрабатывали и печатали его. Широко оповещенные о работе подземной редакции шахтеры, закончив смену, направляясь для выезда на-гора к стволу, заходили к нам, писали заметки или устно информировали обо всем интересном, что произошло за смену.

Однажды в сильнейшую пургу, вечером, мы ехали с Чугуновым на шахту 5-7. Длинная и скучная дорога располагала к дружеской беседе. К тому же на почве наших общих интересов к литературе и газетной работе мы уже чувствовали друг к другу расположение. Чугунов говорил о том, что на работу в редакцию он пошел затем, чтобы поближе узнать шахтера, его душу, вскрыть секрет большой шахтерской любви к шахте и понять истоки побед, одерживаемых горняками в труднейшей борьбе за «черное золото». Он был уверен, что работа в газете даст ему много разнообразного и ценного материала.

По установившемуся в редакции порядку помещаемые в газете цифровые сводки об угледобыче шахт и участков требовалось комментировать и анализировать. Эта работа нередко поручалась Чугунову. Но он очень не любил и избегал ее.

Разнообразен был жанр произведений начинающего писателя. Иногда это была только небольшая информационная заметка, но всегда с тщательно проверенными фактами, интересная, иногда он давал очерк, но своим художественным качествам близким к рассказу; не чуждался он и фельетонов. Печатались в газете и небольшие его стихотворения, носящие характер боевой агитки или лирические, выражающие гордость поэта трудовыми подвигами бойцов за уголь.

Для раннего творчества Чугунова характерен некоторый романтизм его очерков и рассказов. Его внимание привлекали сильные личности: богатыри, обладающие огромной силой, способные поддерживать стойку, выпираемую начинающей оседать кровлей; бесстрашные смельчаки, широкие натуры типа «Коль любить, так без рассудка. коль рубить - так уж с плеча».

Но дань романтизму отдавалась писателем недолго. На смену любованию поступками отдельных сильных личностей приходит вдумчивое осмысливание поступков и действий коллектива. Искренний восторг писателя вызывает взаимовыручка шахтеров, когда товарищ, рискуя собственной жизнью, идет на помощь другу, спасает его. Чувство локтя, товарищество и дружба шахтеров, целеустремленность в достижении поставленной задачи, жизнелюбие, выдержка, удивительная сила, преданность делу рабочего класса, народу, партии - эти мотивы занимают все больше и больше места в творчестве Чугунова.

Он очень много работал. Не ограничиваясь непосредственным наблюдением и изучением жизни, труда шахтеров, он собирал исторический материал о зарождении, росте и развитии рудника, о революционном движении на нем, о партизанской борьбе. Чугунов отыскивал старожилов, свидетелей каторжного существования шахтеров на Михельсоновских копиях, собирал легенды, сказания о былой жизни шахтеров, чтобы использовать их, давать яркие, впечатляющие, убедительные картины шахтерской жизни в прошлом.

Горячо любя свою страну, В. Чугунов, сибиряк по рождению, по-особому, горячо и нежно любил Сибирь. Одно из его лирических стихотворений, подаренных мне, но, к сожалению, не сохраненное мною, является своего рода гимном сибиряка.

Володя обладал ценными и необходимыми для литературного работника качествами. Он был очень общителен, чуток к людской горести и радости, всегда оставался самим собой, никогда не пытаясь играть в чьей-то чужой роли. Когда собирались, чтобы отдохнуть, развлечься, повеселиться, Чугунов вносил большое оживление в собравшуюся компанию, умел попросту, от души побалагурить, спеть, рассмешить, пошутить.

В Чугунове жила постоянная потребность услышать товарищеское мнение о тех своих произведениях, над которыми он работал с особым увлечением. Вот он сидит, запустив руку в копну волос, ероша упрямую прядь, лезущую на глаза. И после некоторого раздумья начинает снова писать, отбивает тихонько ногой такт, прислушиваясь к ритму своего стиха; останавливается, перечеркивает то или другое слово, заменяя его новым, ставит крест иногда и на всю написанную

строфу. А когда стихотворение написано и ослабевает мучительная боль поисков нужного слова, рифмы, ритма, встает и приглашает: «Ну, вот... Вчерне... В основном... Послушайте!» Прочитав, спрашивает: «Ну, как?».

Более объемные произведения - очерк, рассказ - Чугунов обязательно принесет, попросит прочитать и высказать мнение. Он очень внимательно выслушивал критические замечания. В большинстве случаев соглашался с ними, подрабатывал произведение. Но бывало и так, что упорно, с жаром и задором отстаивал то или другое свое слово, свою фразу, свой оборот, доказывая, что они образнее, полнее, лучше отражают авторскую мысль, что отысканная им рифма звучнее и оригинальнее, чем та, которая предлагается для замены.

Даже позже, уже печатаясь в журнале «Сибирские огни», писатель в свои наезды в Анжеро-Судженск, не забывал местной редакции, родины его писательского таланта, приносил свои напечатанные произведения и просил прочитать их и высказать мнение о них.

В тридцатые годы жил в нашем городе еще один молодой и талантливый поэт. Это Евгений Березницкий, Женя, как попросту звали его мы. Работал он в геолого-разведочной партии и писал стихи - лирические и для детей. Володя Чугунов крепко подружился с ним. Частенько они оба заходили ко мне на дом: иногда просто поболтать, пошутить, посмеяться; иногда перемолвиться о литературных новостях, поделиться своими литературными планами. Нередко появлялись и в походном снаряжении: Женя с обязательным рюкзаком на спине, в болотных высоких сапогах, а Володя — в выцветшей кепчонке и старых монументальных сапогах с

задерно вздернутыми вверх носками. Такой наряд означал, что друзья собрались побродить по окрестной тайге.

В Чугунове росла неутоляемая жажда знания мира и людей, делающих этот мир. Поступление Чугунова на геологический факультет, мне кажется, вызвано было именно такой жаждой. В перспективе, по окончании учебы, ему рисовались большие возможности узнать Сибирь, сибиряков, приобщиться больше к трудовой их жизни, через это общение получать большую творческую зарядку.

Война унесла этих двух талантливых молодых поэтов. Но жизнь их, хотя и короткая, не прошла бесследно.

В. Лоцилов.

Наш друг, поэт и гражданин

НИКТО НЕ ЗАВЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Наш друг, поэт и гражданин

ИЗ ВСЕХ моих сверстников, комсомольцев двадцатого года, больше всех запомнился мне наш общий друг — Владимир Иванович Гинзбург. Вспоминаю как из неуклюжим человеком. Среднего роста, полноватый, с длинными, волнистыми на глаза светлым чубом, он до поры нас своей экстравагантностью в одежде, манерах поведения, подлинным и ментальностью. Я его тогда сейчас представляю перед собой в образе добродушного, с броней устного чужака.

У Володи родители были образованными. Мать его работала учительницей, а отец — не помню кем. Это были спокойные, культурные люди. И видно по всему, он у родителей перенял это поведение выдержанного и культурного человека.

Он adesso, в нашем городе, выступал в комсомол, учился, писал стихи и был сначала внештатным корреспондентом, а затем литературным сотрудником в своей газете «Борьба за уголь». Печатались он также и в журнале «Сибирские огни».

В те годы был призван, обращение к молодежи сделать на учбу в гор. Томск. И в 30 годах из Анжеро-Судженска откомандировали Владимира Чугунова, Григория и Евгения Селезневых с каждого требовалась честность. У нас время лось. Берегли время с ты.

Кроме того, малая была загнута на субботах и в воскресенье.

рия Николая, меня, Степана Ковальского и Антонину Дешеву на шестимесячные курсы подготовки в вуз. Образование у всех нас было разное. За этот срок надо было возмолить

После учебы я
остался в з.и.м. А
его понаехали все
И когда в годы вой-
ны была вост. о том, что
губ. было очень боль-

Там я еще только узнал Чу-
гунова. Вспомню на собрании
группы образы редакторов
стенгазеты. Николай Гри-
шу — председателем сту--
денческого комитета, меня
— заместителем. Потом была

И еще. Коммерческие издательства давали бы издать одну из произведений Валы Чугунова. А им много надо и стихов, и прозы...

модь в учене товарищам;
никогда не кичился своим

Из всех моих сверстников, комсомольцев двадцатого года, больше всех запомнился мне наш общий любимец поэт Владимир Чугунов. Володя был из себя некрупным человеком. Среднего роста, подвижный, с постоянно падающим на глаза светлым чубом, он покорял нас своей аккуратностью в одежде, в речи, большой начитанностью и мечтательностью. Я его ясно сейчас представляю перед собой: в белой сорочке, в черных брюках узкого покроя.

У Володи родители были образованные. Мать его работала учительницей, а отец - не помню кем. Это были спокойные, культурные люди. И видно по всему, он у родителей перенял

ЭТО ПОВЕДЕНИЕ ВЫДЕРЖАННОГО И КУЛЬТУРНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Он здесь, в нашем городе, вступал в комсомол, учился, писал стихи и был сначала внештатным корреспондентом, а затем литературным сотрудником в своей газете «Борьба за уголь». Печатался Он также и в журнале «Сибирские огни».

В те годы был призыв, обращение к молодежи ехать на учебу в гор. Томск. И в 30 годах из Анжеро-Судженска откомандировали Владимира Чугунова, Григория Никитина, меня, Степана Ковальского и Антонину Лещеву на шестимесячные курсы по подготовке в вуз. Образование у всех нас было разное. За этот срок надо было пополнить знания, получить среднее образование, а затем нас зачислили в

политехнический институт на геологический факультет. В общежитии мы, анжерские парни, жили вместе. И вот там я еще ближе узнал Чугунова. Володю на собрании группы выбрали редактором стенгазеты. Никитина Гришу - председателем студенческого комитета, меня - парторгом. Лещева была выбрана в редколлегию в помощь Володе оформлять стенгазету. Володя нас персонально каждого учил, как писать заметки в газету. Он никогда не отказывался помочь в учебе товарищам, никогда не кичился своими знаниями. И давать он старался исчерпывающие ответы на наши бесконечные вопросы.

В институте Володя учился хорошо, поэтому отстающих брал на прочный буксир. И никогда не зазнавался, был скромным и спокойным, вежливым и тактичным. Вот за это его и любили все. Иногда он устраивал в комнате вечера поэзии. Читал свои новые стихи, читал Маяковского, Блока, Есенина. Стихи он любил очень. Особенно Маяковского. А нам он в то время был непонятен. Да оно и трудно было с нашей подготовкой понимать такого маститого советского писателя.

В группе мы отдельных студентов разбирали за провинку. Прикрепляли к сильным отстающих товарищей, а они их не подтягивали. Только Володю никогда не разбирали. Он всегда тянул за троих. Выпуск был краткосрочный, за 4 года, приходилось все внимание уделять на учебу и на общественные дела. А ими были загружены все студенты. И с каждого требовалась отчетность. У нас время ценилось. Берегли время студенты.

Кроме того, молодежь была загружена субботниками и воскресниками. Во всем этом самое горячее участие принимал

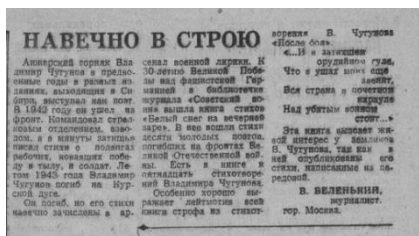
и Владимир. И он постоянно учил нас бережно расходовать время. Порой мы просто поражались его работоспособностью.

После учебы я мало встречался с ним. А стихи его попадались все чаще. И когда в годы войны пришла весть о том, что он погиб, было очень больно и даже не верилось. Очень хочется, чтобы в родном городе память о нем была более живой. Надо бы увековечить имя этого замечательного человека, присвоив его имя улице, на которой он жил.

И еще. Кемеровскому книжному издательству следовало бы издать одну книгу произведений Владимира Чугунова. А им много написано и стихов, и прозы.

Петр АЛЕКСЕЕВ.

Навечно в строю

Анжерский горняк Владимир Чугунов в предвоенные годы в разных изданиях, выходящих в Сибири выступал как поэт. В 1942 году он ушел на фронт. Командовал стрел-

ковым отделением, взводом, а в минуты затишья писал стихи о подвигах рабочих, ковавших победу в тылу, и солдат. Летом 1943 года Владимир Чугунов погиб на Курской дуге.

Он погиб, но его стихи навечно зачислены в арсенал военной лирики. К 30-летию Великой Победы над фашистской Германией в библиотечке журнала «Советский воин» вышла книга стихов «Белый снег на вечерней заре». В нее вошли стихи десяти молодых поэтов, погибших на фронтах Великой «Отечественной войны. Есть в книге и пятнадцать стихотворений Владимира Чугунова.

Особенно хорошо выражает лейтмотив всей книги строфа из стихотворения В. Чугунова «После боя».

«...И в затишье

орудийном гуле,

Что в ушах моих еще

звонит,

Вся страна в почетном

карауле

Над убитым воином

стоит...

Эта книга вызовет живой интерес у земляков В. Чугунова, так как в ней опубликованы его стихи, написанные на передовой.

В. БЕЛЕНЬКИЙ, журналист. Гор. Москва.

Владимир Михайлович Чугунов

*5 мая 1911 г., Иланская, Красноярский край –
5 июля 1943 г., Безлюдовка, Белгородская область.*

Поэт, прозаик, журналист.

Поэт-шахтёр, поэт-боец

Писать стихи Владимир Михайлович Чугунов начал ещё в раннем школьном возрасте в Омске. С 12 лет печатался в школьной стенной газете, затем в Омской городской газете «Рабочий путь». Первые публикации стихов были одобрены омской литературной общественностью и вдохновили его на профессиональную деятельность в области литературы. Литературным учителем для Владимира Чугунова был

известный омский поэт Леонид Мартынов. О поэмах Л. Н. Мартынова Чугунов написал статью, которая была опубликована в 1941 году в журнале «Литература и искусство Казахстана» (№ 2-3). Особо он выделил поэму «Волшебные сады», в которой воспета подвижническая жизнь учителя-сибиряка, преобразующего природу северного края. Чугунов писал, что Мартынов «показал нам положительного героя - интеллигента, работающего на благо родины. Он поднял эту тему до обобщающих высот и вывел эту тему за рамки так называемой «провинциальной поэзии». Писатель и журналист Леонид Владимирович Макеев (1911-1993), редактор альманаха «Литературный Казахстан», справедливо отметил, что сам Владимир Чугунов «неутомимо трудился для того, чтобы выйти за рамки «провинциальной поэзии», подняться в своём творчестве до больших художественных обобщений».

Трудовая биография Владимира Чугунова связана с городом Анжеро-Судженском, работой на шахте и в городской газете. В его лирике и лиро-эпосе шахтёрская тема заняла значимое место. И это была не «провинциальная», а настоящая поэзия. Стихотворением Владимира Чугунова «Анжеро-Судженский» открывался девятый номер журнала «Сибирские огни» за 1930 год. Его стихи о шахтёрах («На откатке», «Шахтёрская») и историческая поэма «Горячий камень» об Анжерских копиях Михельсона, авариях на шахте, тяжёлом труде шахтёров вошли в единственную прижизненную книгу «Горячий камень», изданную в 1939 году в Новосибирске.

Владимиру Чугунову удавалась не только тема труда, но и пейзажная и любовная лирика. Могучая сибирская природа талантливо воспета им в стихотворениях «Сосны», «Жажда», «Форель»; таёжные сибирские реки - в лирическом цикле «Яя». Образ любимой с нежностью запечатлён в

стихотворениях конца 1930-х годов: «Просишь ты лирических стихов...», «Заволокло туманом горы...», «Что лицо твое туманно...» и др.

Более известна читателю его военная лирика, стихотворения о фронтовой дружбе, о подвигах бойцов-товарищей: «Все распри сводятся на нет...», «В разведку», «После боя». Казалось, что война должна была убивать в человеке все человеческое. Но в поэзии Владимира Чугунова все иначе. Например, его стихотворение «Кукушка». В редкие минуты затишья бойцы, с теплотой вспоминая о доме, о родных, обостренно воспринимали красоту окружающей природы. Для тех, кто каждый день ходит рядом со смертью, каждое мгновение тишины имело глубокое значение. И даже, зная, что могут умереть завтра, они с особым трепетом вслушиваются в пророчества кукушки, желающей долгих лет жизни:

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиение успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.

«Жизнелюбивым поэтом-сибиряком» назвал Владимира Чугунова московский критик В. Кардин: «В его стихах люди, реки, леса жили общей радостной жизнью. И если сосна по-человечьи протягивала руки навстречу людям, то и они не оставались у неё в долгу. Чугунов рассказывает о весёлых ребятах, которые принесли к сосне свои песни. Таким Владимир Чугунов остался и во время войны, не помрачнев, не изменив своему жизнелюбию. Это был оптимизм бывалого человека, верящего в людей, в справедливость, в армейское товарищество. И его стихи, прочные, крепкие, светлые, как

крестьянские дома в Сибири, распахнуты навстречу боевым друзьям. До последней минуты Владимир Чугунов радовался жизни, голубевшему после боя небу...»

Лирическое стихотворение «Светлана», созданное в 1943 году незадолго до гибели, поэт посвятил своей трёхлетней дочери. Там есть удивительная строка: «Сердце не грубеет на войне». Владимир Михайлович Чугунов был одним из первых профессиональных кузбасских поэтов. Стихи его и в двадцать первом веке не утратили поэтической значимости. Его сибирские строки и сегодня взволнованно звучат для молодых читателей.

Галина Карпова, Екатерина Тюшина

Биография Владимира Чугунова

Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году, 22 апреля по старому стилю / 5 мая – по-новому, на станции Иланской Сибирской железной дороги (Красноярский край) в семье железнодорожного врача Михаила и Серафимы Александровны Чугуновых. Шести лет остался без отца. В Омске окончил семилетку. С конца 1920-х годов жил в Анжеро-Судженске, подростком начал работать на шахте, сначала коногоном, затем забойщиком. Окончил Анжерское горное промышленное училище, получил диплом машиниста врубовой машины. Некоторое время В. М. Чугунов работал в редакции анжерской газеты «Борьба за уголь». Решив продолжать свое образование, Чугунов поступил на заочное обучение в Томский горный институт на геологоразведочный факультет. В первой половине 1930-х годов печатался в журнале «Будущая Сибирь» (Иркутск), в областной газете «Красное знамя» (Томск). Он пробовал свои силы в прозе, создавал рассказы и очерки о студентах, о шахтерах Сибири периода двадцатых годов.

В 1936-1937 годах жил и работал в Новосибирске, печатался в краевых газетах «Большевицкая смена», «Советская Сибирь», часто ездил на шахты Кузбасса, много писал о горняках. В Новосибирске вышел первый сборник стихов Владимира Чугунова «Горючий камень» (1939). Стихи, вошедшие в сборник, посвящены героике освоения и преобразования Сибири.

В 1938 году переехал в Казахстан в связи с женитьбой на артистке Казахского государственного академического театра оперы и балета имени Абая Марии Фёдоровне Чугуновой-Гришиной. В браке родилась дочь Светлана. Живя

с семьёй в Алма-Ате, стихи и переводы Владимир Чугунов публиковал в газете «Казахстанская правда» и в журнале «Литературный Казахстан».

В 1942 году ушел добровольцем на фронт, оказался в городе Кузнецке Пензенской области, где шло формирование войсковых частей. Оттуда лейтенант В. М. Чугунов посылал весточки родным. Владимир Чугунов командовал стрелковым взводом, потом взводом автоматчиков. В редкие минуты затишья писал стихи о крепкой фронтовой дружбе, о подвигах товарищей. В составе 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии Воронежского фронта Владимир Чугунов участвовал в Курской битве. 5 июля 1943 года, когда немцы, открыв мощный артиллерийский огонь, перешли в наступление на Курской дуге, Чугунов поднял своих бойцов в атаку. В этом бою он погиб. Семья Чугунова получила письмо, подписанное командиром части: «В. М. Чугунов в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявил верность и мужество, был убит 5 июля 1943 года. Похоронен близ ст. Безлюдовск, Шебановского района, Курской области, близ дороги на Будно...». На деревянном обелиске друзьями сделана надпись: «Здесь похоронен Владимир Чугунов - воин - поэт - гражданин, павший 5 июля 1943 года». Ныне село Безлюдовка относится к Шебекинскому району Белгородской области.

Второй сборник стихов В. М. Чугунова «Огненная роспись», изданный в Алма-Ате в 1946 году, явился посмертным изданием его произведений. В 1951 году в Алма-Ате была издана книга избранных произведений стихов и прозы В. М. Чугунова. Некоторые его произведения так и не появились в печати и хранятся в рукописях. Посмертно издано пять его книг, четыре в Алма-Ате и одна - в Томске.

Стихотворения Владимира Чугунова вошли в антологии кузбасской поэзии: «Гремели бои» (1975), «Дыхание земли родимой» (1979), «На родине моей повыпали снега...: Поэтический век земли Кузнецкой» (1998). Лирика В. М. Чугунова включена в коллективные сборники, изданные в Москве: «Стихи о Сибири» (1961), «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (1965), «Сибирские строки» (1984). Стихотворения В. М. Чугунова вошли в коллективные антологии, изданные в Новосибирске: «В боевом строю» (1954), «Поэзия Сибири» (1957), «Поэты 20-30-х годов» (1965), «Помнит мир спасённый» (1970).

Имя Владимира Михайловича Чугунова занесено на мемориальную доску, которая установлена в Новосибирской писательской организации в память о павших на фронтах Великой Отечественной войны литераторах-новосибирцах.

Книги Владимира Михайловича Чугунова:

Горячий камень: стихи. - Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1939. - 39 с.

Огненная роспись : стихи / Вступ. ст. Д. Николича. - Алма-Ата: КазОГИЗ, 1946. - 98 с.

Избранное: стихи и проза / Предисл. Л. Макеева. - Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1951. - 231 с., портр.

Клад на Алчедате: стихи и проза / Предисл. Д. Николича. - Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. - 150 с.

Стихи / Вступ. ст. А. Пасечника. - Томск: Томское книжное издательство, 1961. - 119 с.

Огненная роспись: Стихи. - Алма-Ата: Казгослитиздат, 1964. - 128 с., портр.

Казахстане, были о Кузбассе: «Шумно гонит воды Яя. / Дикий камень, тальники. / И журчат, в неё впадая, / Три таёжные реки...»

Из биографической справки: «Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году в семье железнодорожного врача на станции Иланской. Шести лет остался без отца. Детство было трудное. Школу пришлось бросить. Владимир поступает на одну из шахт Анжеро-Судженска. Был коногоном, потом забойщиком. Окончив в 1930 году Анжерское горно-промышленное училище, стал машинистом врубовой машины. Потом его пригласили в городскую газету...»

Но еще задолго до этого его стихи, написанные для себя, для своих друзей, растекались по молодёжным рукописным альбомам. Было такое, теперь забытое, увлечение. Парни и девчата заводили особые тетради, куда их друзья вписывали «на память» стихи (не обязательно свои), какие-то значительные слова, делали рисунки... У части зрителей была популярна телевизионная передача «В нашу гавань заходили корабли», бытует такое понятие «дворовая песня» как альтернатива официальной, профессиональной песне. Тогда были «альбомы», в них можно было встретить стихи Надсона, Сергея Есенина (книги его не печатались). В таком вот альбоме в военном, кажется, 1943 году, я и увидел стихи, подписанные «Вл. Чугунов». Стихотворение, остановившее моё внимание, называлось «Последний запев Сербиянки» («Сербиянка» - популярный тогда у молодежи танец).

*Ты осталась на шумной вечеринке,
Грянули гармоники, и вновь –
На высоком каблуке ботинки.
Воротник, голубенький от синьки,*

*Губы, как на алой ране кровь.
В пляс ушла, заламывая руки,
С кем плясала, другу расскажи...*

На этом месте стихи обрывались, дальше - листы были потеряны. Я огорчился. В мой газетный очерк вошли только эти уцелевшие строки. Как же я был удивлен, когда в очередном письме из Израиля, где живет теперь мой друг Гриша Грумберг, я вдруг прочел: «Спасибо тебе за статью о В. Чугунове (видно, я послал тогда ему вырезку из газеты. – *Ф. Я.*). И потому что мне тоже дорога память о нём. Уже и пятьдесят лет минуло со времени встречи с его стихами, а я всё еще при случае вспоминаю ту, «оставшуюся на шумной вечеринке», и то, как «по садам, как кровь, течет малина», и, кажется, что всю жизнь я любил ту, что «в пляс ушла, заламывая руки...» И потому, что статья хорошая - с любовью, с драматургией, мыслью и романтикой. Узнаю в этом тебя, которого люблю еще больше лет, чем поэта...». И так далее.

С Гришей мы познакомились и подружились в войну, когда он был в Кемерове, в эвакуации. Мы работали с ним на разных военных заводах и ходили в один драмкружок. После войны он возвратился в Харьков. Учился. Много лет был художественным руководителем Харьковской филармонии. Теперь он известный в Израиле театральный режиссёр, бессменный постановщик ежегодных праздничных концертов в честь Дня Победы в Тель-Авиве. Меня поразило, что он до сих пор помнит чугуновскую «Сербиянку», что прислал мне её текст, восстановленный по памяти:

Расстались мы (так я помню. - *Ф. Я.*) на шумной вечеринке

.....

С кем плясала, другу расскажи.

*У парней е кармане, слоено шуки,
Спали острые зубастые ножи.
И огни зелёные в глазах их,*

*Над глазами складки глубоки.
Ходят рядом с парнями девахи,
Заправляют им, шутя, рубахи
И за финские берутся черенки.*

*Знался я с компаньями блатными
И бывал на вечеринках тех,
Сквозь вино смотрел глазами злыми
Полупьяный и ревнивый смех...*

*Но в твою любовь, теряя веру,
Я ушел, по-прежнему любя,
И с каким восторгом вот теперь я
Встретил в этом городе тебя!*

*Где тот парень, бравый запевала,
Видно, парня погубила страсть...
Ты припомни только, как бывало
Двух парнишек в вечер целовала,
Третьему случайно отдалась.*

*А теперь, приглашенная ветром
И зенитным мечена лучом,
Ты идешь, студенты и поэты,
В майки физкультурников одеты.
Греют руки о твоё плечо!*

*По садам, как кровь, течет малина.
Бродит ветер, кудри теребя.
Ты сними со стенки мандолину.
Спой мне песню новую, Галина,*

*Песню, возродившую тебя.
Продолженьем этой новой песни,
По дорогам светлым бытия
Прохожу товарищ твой, ровесник,
Рядом с нами полыхает песня,
Как любовь, как молодость твоя!*

Слышал, что в Алма-Ате вскоре после войны по-
смертно вышла книжка стихов Вл. Чугунова. В нашей
областной библиотеке нашел восьмой номер журнала
«Простор» за 1990 год, издаваемый писательской
организацией Казахстана. Во вводной статье к подборке
стихов Вл. Чугунова автор, известный русский писатель Юрий
Домбровский, вспоминает, как познакомился с поэтом, как он
выглядел тогда, как читал свои стихи.

«Широкоплечий, крупный, приземистый до меш-
коватости, с очень светлыми рыжими волосами, с несколько
замедленной и даже, пожалуй, затрудненной, но плавной
речью, он представляется мне настоящим образцом
человеческой положительности...

Для понимания поэта и всего его творчества часто
бывает очень важно услышать, как он читает свои собственные
стихи... Чугунов прочел мне всего несколько стихотворений,
но это чтение его я помню до сих пор... Чугунов стоит,
привалившись спиной к печке, и читает. Голос у него низкий,
глуховатый и даже какой-то нутряной, но читает он всё-таки

очень хорошо. Суховато, но точно, чётко, выразительно. И самое главное, - действительно читает свои стихи, а не поёт, как многие поэты...»

Своё введение к подборке стихов в алма-атинском журнале «Простор» Юрий Домбровский заканчивает пожеланием:

«Чугунова после его смерти издавали не раз, но писать о нём почти что не писали. Я знаю только две статьи о нём. Вернее, не статьи даже, а два введения, открывающие его посмертные сборники. Всё это, конечно, совершенно нетерпимо. Чугунова необходимо как можно скорее собрать и издать вновь. Этого требует не только одна героическая биография поэта, но наши кровные читательские интересы».

Целиком согласен в этом с автором статьи. Резануло только, что нигде не упомянуто, кто он и откуда. Похоже, русский поэт, кузбассовец Владимир Чугунов, его творческое наследие считаются теперь безраздельным достоянием суверенной Республики Казахстан.

От составителя

Владимир Михайлович Чугунов родился 5 мая 1911 года на станции Иланской, Сибирской железной дороги, в семье железнодорожного врача. Он в г. Омске окончил среднюю школу и горпромуч — в г. Анжерке, получив специальность машиниста врубовой машины.

Некоторое время В. М. Чугунов работал на шахте, затем был отозван на работу в редакцию газеты «Борьба за уголь». Решив продолжать свое образование, В. М. Чугунов в 1931 году поступает в Томский горный институт на геологоразведочный факультет.

Стихи писать В. М. Чугунов начал еще в раннем школьном возрасте (с 12 лет), печатался в школьной стенной газете, затем - в городской Омской газете. Первые, одобренные омской литературной общественностью стихи, вдохновили его на постоянную, профессиональную деятельность в области литературы. Учился ли он в горпромуче, в горном институте или работал на шахтах Анжерки, он уже не мог не писать. В. М. Чугунов писал не только стихи, но и пробовал свои силы в прозе - создавал рассказы и очерки о студентах, о шахтерах Сибири периода двадцатых годов, писал статьи. Некоторые из этих работ появлялись в газетах Омска, Анжерки, Томска, Кемерово, Новосибирска, некоторые так и не появились в печати, а сохранились в рукописях.

При жизни этого талантливого поэта сибиряка, связавшего свою литературную судьбу с Казахстаном лишь в последние годы, в свет вышел только один сборник его стихов «Горячий камень» (Новосибирск, 1939 год). Второй сборник стихов В. М. Чугунова «Огненная роспись», изданный в Алма-

Ате в 1946 году, явился посмертным изданием его произведений.

Биография поэта и прозаика В. М. Чугунова завершается славным боевым подвигом на древней курской земле во имя счастья и жизни советского народа, во имя дальнейшего процветания советской страны. Вот два документа этого периода. Один из них - карандашный набросок письма к жене Чугуновой-Гришиной Марии Федоровне, артистке Казахского Государственного Академического театра оперы и балета имени Абая. В этом письме, датированном 9 мая 1943 года, В. М. Чугунов пишет:

«Живем мы боевой жизнью, колотим фрицев, часто вспоминаем о доме... Хотел бы я сейчас посмотреть на Светлану. Если есть карточка, - пошли, а то, чего доброго, и не увижу ее больше...».

А вскоре вслед за этим семья Чугунова получила второе письмо, подписанное уже командиром части. В этом письме сообщалось:

«В. М. Чугунов в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявил геройство и мужество, был убит 5 июля 1943 года. Похоронен близ ст. Безлюдовск, Шебановского района, Курской области, ниже дороги на Будно...».

Свое отношение к литературному творчеству, к деятельности писателя В. М. Чугунов выразил прежде всего своей неустанной работой, своим постоянным живейшим участием в печати Сибири и Казахстана, создав около двухсот оригинальных и переводных произведений в поэзии и прозе. Понятно, что не все его произведения вошли и в настоящее издание. Но нельзя не вспомнить отсутствующую в этом сборнике его статью о поэмах омского поэта Леонида

Николаевича Мартынова, напечатанную в журнале «Литература и искусство Казахстана» (№ 2 - 3 за 1941 год). В. М. Чугунов требовал от своих собратьев по перу создания таких произведений, которые были бы связаны с жизнью, с практикой социалистического строительства в нашей стране.

И недаром в оценке сборника Леонида Мартынова («Поэмы», Омское областное государственное издательство, 1940 год) В. М. Чугунов особое внимание читателя останавливает на поэме «Волшебные сады». Здесь, в этой поэме, воспевается подвижническая жизнь учителя-сибиряка; отдавшего все свои силы преобразованию природы северного края.

«Мартынов выбрал правильный путь, - пишет В. М. Чугунов,- он показал нам положительного героя интеллигента, работающего на благо родины. Он поднял эту тему до обобщающих высот и вывел ее за рамки так называемой «провинциальной поэзии».

Все творчество и жизнь В. М. Чугунова показывают, что он и сам неумоимо трудился для того, чтобы выйти за рамки «провинциальной поэзии», подняться в своем творчестве до больших художественных обобщений, стремился отдать делу служения социалистической Родине свое лучшее, звучное слово, а когда понадобилось, он отдал и жизнь.

Леонид Махеев

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Клад на Алчедате

(Главы из повести)

Слава об угольных копиях дошла до томского купца Щербинина. Слыл он чудачком и сумасбродом. Обидно ему стало: как это так - никому неизвестный немец Михельсон вздумал в Сибири уголь рыть и в заводчики выйти? Как это он решился на такой шаг, не заняв у купца хотя бы для приличия несколько тысяч рублей? Задумал купец «пужануть» молодого промышленника. Щербинин страсть любил, как он сам выражался, «феерические эффекты». Был он богатым купцом, и улица, где стоял его огромный дом, называлась Миллионной. Совершенно неожиданно приехал Щербинин на копи, осмотрел шахты, побывал в гостях у местного торгоша Деренкова и под конец сделал визит к управляющему копиями Щепке.

Густобородый, крепкозубый, ладно сложенный, потягивал гость из огромной чашки с надписью «за здоровье хозяина» густой чай и ехидно говорил управляющему:

- Уважаемый Карла Карлович! Надоело мне торговать. На Руси сне деяние из моды выходит. Надо за большие дела браться. Слышал я от тутошних мужиков, есть за рекой Китатом уголь... Так что порешил я по соседству с вами свою небольшую копь заложить. Деньжонки у меня имеются, сам знаешь, - нараспев продолжал Щербинин, - к тому же сын университет кончает, при деле будет, с божьей помощью, как я думаю, дело на ноги поставить сумеем.

Красное лицо Карла Карловича побелело, будто его прихватило пятидесятиградусным сибирским морозом, От неожиданности он так растерялся, что подал купцу руку, молвив:

- Всего доброго... Мне домой пора... - и принялся искать шапку. Раскатистый смех Щербинина заставил его опомниться. Но было уже поздно. Щербинин надел шубу.

Через неделю возле таежной реки Китат появилась рабочая артель купца Щербинина. Вскоре заложили шахту, назвав ее «Три Ивана», так как все три десятика были Иваны. Рудник окрестили — Щербининский.

В Москву к Михельсону от управляющего копиями Щепки летели одна телеграмма за другой. Смысл их был путанный и неясный. Управляющий настолько одурел, что не мог составить толкового текста телеграммы. Последний текст выглядел так:

«Купец Щербинин открыл рядом копи зпт развернул бешеную деятельность зпт терпим крах Щепка тчк»

После этой телеграммы последовал лаконический ответ: «Еду. Михельсон».

Он приехал с молодой женой, которую в глаза называл Наденькой, а в тесном кругу шахтовой администрации в первый же день приезда сказал:

- Змея! Не за меня, а за уголь вышла замуж!

Утром следующего дня Михельсон на паре лошадей, запряженных в таратайку, укатил на Щербининский рудник, но, не захватив там купца, прямым сообщением по трясуечей таежной дороге поскакал в Томск.

Щербинина он застал за своим любимым занятием. Купец бегал по двору и дико выкрикивал какие-то непонятные слова, бодался с козлом.

Михельсон назвал себя. Стоя на четвереньках посредине двора, купец, скривив голову, воровато глянул на промышленника.

- Очень приятно вас видеть...

И, к удивлению Михельсона, продолжал свое необычайное развлечение. Молодой промышленник глядел на купца, и чуть заметная усмешка таилась в складках его губ. Но смеяться он не смел, ибо судьба его была в мясистых ручищах этого самодура с Миллионной улицы.

Он ждал.

Наконец Щербинин утомился. Потный и взлохмаченный, стоял он возле козла и совал ему в зубы кусочки колотого сахара. Козел жадно пожирал их.

- Хи, ты черт! – неожиданно выкрикнул Щербинин и ударил козла по морде.

Что? - спросил Михельсон.

- Да я не тебя, у меня козла так зовут, - весело заметил Щербинин.

- Я к вам по делу, - начал было Михельсон.

- Хорошо, я к вам недельки через две - три приеду, обязательно приеду. Всего, доброго... Мне домой пора, как говаривал ваш управляющий Карла Карлович Щепка.

Купец, помахав мясистой рукой, исчез в доме. Гулко прогремел запор. Черный козел глупыми глазами смотрел на Михельсона. Мотнув головой, он поднялся на задние ноги и затем, пригнув голову, стремительно кинулся на растерявшегося промышленника. Михельсон, ухватив козла за рога, пятился к калитке. Лаяли цепные псы. Из окна верхнего этажа выглядывало смеющееся лицо Щербинина. Был слышен его поучительный голос:

- Всякое дело, как козла за рога, крепкими руками держать надобно.

* * *

Наконец пришла долгожданная телеграмма: «Встречай. Щербинин».

Лучшую тройку, увешанную бубенцами, подали именитому купцу. Пристяжные кони, утопая в рыхлом снегу, с трудом успевали за коренником. Щербинин дремал в кошеве, запорошенный серебряным инеем. Разгребая отводинами перепаханный пристяжными снег, тройка рысью подкатила к освещенному дому управляющего. Купец вылез из кошевы, отряхнул шакалью доху н, как огромный еж, маленькими шагами направился к подъезду.

На крыльце его встретили Михельсон и Щепка. Сухо поздоровавшись с ними, купец прошел в прихожую, сбросил на чьи-то услужливые руки доху, вытащил полосатый носовой платок и небрежно повертел им возле замерзшего носа.

Его провели в рабочую комнату управляющего. Щербинин по-хозяйски осмотрел стены, обитые золотистыми обоями, пощупал рукой мраморного амура, сел в кожаное кресло и, уставившись на синий ландышеобразный абажур настольной лампы, молвил:

- Ладно вы живете!

Михельсон заметил:

- Мы должны жить еще лучше. Люди нового направления, призванные...

- Только без философии! - заметил купец. - Дело, дело - вот суть!..

Управляющий поспешил на выручку Михельсону:

- Дело, делом, а...

- Что «а»? — оборвал его Щербинин.

Наступило неловкое молчание. Выручила жена Михельсона Надежда Адамовна. Она легонько постучала в дверь, но так и не дождавшись разрешения, зашла в кабинет.

- Познакомьтесь, господин Щербинин! - идя навстречу жене и взяв ее за локоть левой руки, - сказал Михельсон.

Глаза купца просветлели. Он приподнялся с кресла, протянул руку. Загребав в восковую кисть женщины, смачно поцеловал ее, после чего представился:

- Кондратий Иванович Щербинин.

Улучив момент. Надежда Адамовна состроила мужу гримасу и пропела:

- Надежда Адамовна Михельсон.

Щербинин внимательно рассматривал женщину. Он остановил взгляд на ее стройных, словно выточенных ногах, оглядел рельефные бедра, прощупал масляным взглядом полную грудь.

Каждая складка на его лице, пальцы, перебирающие кончик бороды, говорили за то, что он остался доволен женщиной. Поняла это и сама Надежда Адамовна. Вскинув голову и отводя назад мраморно белую руку с синими прожилками, она прошла к окну, и воздух наполнился запахом тонких духов.

- Может быть, вы, Кондратий Иванович, желаете осмотреть мою коллекцию камней? - предложил Карл Карлович.

Щербинин оставил женщину, перевел взгляд в сторону управляющего. Он молча поднялся на ноги и шагнул к шкафу, где помешалась коллекция.

- Вот это горный хрусталь... Это самый обыкновенный полевой шпат... Это в простонародии называют свинцовой

обманкой... Знаете, она блестит, как золото... Помните русскую поговорку: «Не все то золото, что блестит».

- Хорошая поговорка! - оживился Щербинин. А, знаете, я однажды был в томском сумасшедшем доме... Там видел разные сорта помешанных. Один из себя, допустим, льва строит, другой царя, третий ораторствует... А есть и другие. Ходят они, знаете, по ограде, собирают разные камушки, пихают их за пазуху - золото думают. Придут в палату и под постель прячут. Так верите нет, это дерьмо, Щербинин очертил рукой коллекцию камней, - санитары из палат каждый день носилками выносят.

Опять наступило неловкое молчание и опять выручила Надежда Адамовна:

- Может быть, к столу пройдем?..

- Можно! — согласился Щербинин.

В гостиной он осмотрел стены, потолок, мебель, внимательно изучил богато сервированный стол и дал свое заключение.

- А все-таки ладно вы живете.

Зазвенела посуда. Надежда Адамовна сама хозяйничала за столом, и сразу же рюмка Щербинина наполнилась красным вином.

Я красное не тово... Белое обожаю... С красного во хмелях тошно ходить, в голове мозжит.

Вино быстро сменили.

Щербинин заткнул за ворот косоворотки салфетку, посмотрел на мерцающий радужными огнями хрустальный стеклярус и еще раз сказал:

- Ладно вы живете!

Промышленник и управляющий молчали. Они уже убедились в остроте языка их собеседника. Лишь одна Надежда Адамовна осмеливалась поддерживать разговор.

- Кондратий Иванович, угощайтесь. В приятном обществе разговоры начинаются после закуски и рюмки доброго вина. А хвалить после, в заключение будете.

- Да, я люблю балансы подводить... Ну, так выпьем за здоровье хозяйки, хозяина и их покорного слуги Карла Карловича.

Раскрыв рот и не касаясь рюмкой румяных губ, Щербинин вылил водку и горло. Он мотнул головой, долго выбирал, чем бы закусить, наконец, подцепил вилкой соленый огурец.

- Прошла-а-а...

Огурец хрустнул на его крепких зубах.

После нескольких рюмок разговор стал принимать деловой характер. Начал его сам Щербинин:

- Вот я и приехал. Если я обещаю, обязательно приеду. Я человек простой...

Карл Карлович несмотря на то, что уже попадал впросак, в этот раз не утерпел и поспешил раздуть нужную искорку в яркое пламя.

А мы вас давно ждали, вопрос деловой, серьезный.

- О каком вопросе речь идет, не знаю, но приехать, чувствую сам, надо. Как-никак соседи... Одно дело... Общие интересы.

Михельсон, до сих пор не участвовавший в деловом разговоре, оживился, на лице выступил румянец, на лбу легла решительная складка.

- Давайте говорить прямо, по-деловому. Вы знаете о чем идет речь. Мы волей судеб столкнулись в интересах. Я

человек новой формации, иду к цели иными путями, чем вы, уже достигшие в другой области благополучия, известности, вершины своего идеала.

- Поменьше философии, проще, проще, - вставил Щербинин.

- Вы не понимаете меня, Кондратий Иванович?

- Как не понимать, нешто я дурак. Все понимаю, но философии не люблю.

- Кондратий Иванович! - голос Михельсона стал громким, четким. - Мы не найдем общего языка, если каждый из нас не будет говорить своим языком. Я говорю так, вы - иначе. Давайте выслушаем друг друга.

- Хорошо сказано! Только все равно, кроме русского языка, за этим столом мы ничего не выдумаем, - Щербинин прищелкнул языком, трепанул бороду, - давай в лоб! Убрать меня с дороги нужно, верно?

- Убрать вас невозможно.

- Почему?

- Вы сами знаете... Только сильный поток смывает с пути камень, а слабый его шлифует.

- Вы без намеков! - в самом деле рассердившись, крикнул купец. - Не о потоках идет речь, о деньгах!

- Вы рассуждаете глупо, а мыслите глубоко, - спокойно сказал Михельсон.

- Во! - обрадовался Щербинин. - Это сказано правильно. Кто на ум пуст, тот знает денег хруст. Что ж, откроем козыри.

- Слушайте, вы уже имеете состояние, имя, прожили немалую жизнь. На кой черт сейчас вам раздувать новое дело, незнакомое, чужое вам по натуре вашей.

- Понял, понял, понял! - замахал мясистой рукой Щербинин.

- Могу продать дело.
- За сколько?
- Пять тысяч.
- Вы с ума сошли! Это мне не под силу.

Щербинин уже опьянел. Он смотрел на Надежду Адамовну. Сквозь синюю дымку показалось купцу, что женщина улыбается ему. Он видел ее белое лицо с крупными правильными чертами, резкие губы, чуть раздвоенный подбородок и широкие поднимающиеся от дыхания плечи. И вспомнил Щербинин свою малорослую, сухую, как-то страшно быстро постаревшую жену. Влажный рот дородной хозяйки приоткрылся, и сквозь дремотное полузабытье купец услышал ее гортанный голос.

- Кондратий Иванович, а мне бы лично вы за сколько продали копи?

- Вам?

Щербинин облизнул высохшие губы.

- Вам я бы даром отдал их. Но дело в том, что капитал затрачен, понесен убыток.

- А если я возьму убыток?..

Михельсон и Карл Карлович переглянулись. Лицо Карла Карловича вытянулось, одеревянело.

- Тогда по рукам!

Щербинин поднялся со стула, твердой походкой направился к хозяйке.

Затратил на дело полторы тысячи. Двести пятьдесят из них дарю на угощение рабочих, пусть помнят Щербинина, а на двести пятьдесят - сам угощаюсь. С вас тысяча.

- Не беспокойтесь, господин Щербинин, - засуетился управляющий. - Все уже сделано: шахтеры получают свое, вы, как гость.

- Шахтеры пусть получают свое, а я ничего получать не хочу. Я желаю сам ублажать. Давайте выпьем с вами красненького, как вас...

- Надежда Адамовна, - подсказала хозяйка.

- Ваше здоровье!

Щербинин, еще не допив вина, хотел что-то сказать, но закашлялся на полуслове. Михельсон воспользовался замешательством и шепнул на ухо Карлу Карловичу: «Не ввязывайтесь в разговор. Ешьте, пейте, молчите».

Щербинин прокашлялся.

- Пойдите, пойдите! Это замечательно! Пусть бывший мой рудник называется «Надеждой». Все мы живем ею. Выпьем по этому поводу, уважаемый Карл Карлович!

Управляющий, глупо улыбаясь, кивал головой, и рюмка дрожала в его руке.

На стенных часах растворилась дверка, и кукушка прокуковала двенадцать раз.

Анжеро-Судженский

В пазах, оскалив крепи,
Трещит забой.
Ударные сквозные,
Готовьтесь в бой!
Прорывы, неполадки
На фронте трудовом.
Тревогу боевую
По шахтам бьём!
Протяжными гудками
В предутреннюю рань
Кричат заводы шахтам:
- Угля достань!
Достань для топок пищи
В количестве таком,
Чтоб пламя изгибалось
Огромным языком;
И доменные печи
Сквозь каменный оскал,
Дыша огнём и жаром,
Расплавляли металл!
У нас довольно силы.
Крепка любовь к труду.
Мы помним вихрь атаки
В семнадцатом году!
На голод, на разруху,
На банды Колчака
Несла винтовку крепко
Горняцкая рука.
Мы славные победы

Обратно не сдадим!
Что кровью защищали,
Мы потом - отстоим!
Во имя
Кровью смоченных
В былых боях знамён –
Вперёд,
Анжеро-Судженский,
Угольный район!
(«Сибирские огни», 1930, №9)

Клятва молодых

Товарищ и мой ровесник,
Мы в ногу к победам идем.
Давай же придумаем песню
И вместе ее споем.
О том, как на Дальнем Востоке
Слетается стая ворон,
Их заново кличет жестокий
Разбитый когда-то барон.
Клянется на поднятых чашах,
К прицелу склоняет бровь.
На синем сукне,
На лампасах
Застыла рабочая кровь.
Слетаются вороны...
Хмуρο
Свинцовая плещет вода.
Плывут у границ
По Амуру

Дозорные наши суда.
По мирным просторам отчизны
Комбайны и жнейки идут,
И от счастливой жизни
Вязальщицы песни поют.
И голосом молодецким
Парнишки им вторят о том,
Как домны пылают в Кузнецке
Расплавленным чугуном.
Штыком, динамитом, угрозой -
Нас голой рукой не возьмешь.
Вперед комсомол краснозвездный
К победам ведет молодежь.
И все, что цветуще и молодо.
Клянется врагам на страх –
Винтовкой,
Серпом и молотом,
Звездой о пяти концах!

Мужество

Припоминают старики шахтеры
Былые дни падений и побед
Они ведут степенно разговоры
О жизни, смерти и судьбе.
Когда то их хлестал по телу уголь.
Гремучий газ за горло их душил.
И до сих пор в крови бунтует удадь.
Которую ничем не заглушить.
Искали жен себе на эстокаде...
И охраняли избранных ножом.

Бывало так—подкравшаяся сзади
Земля их обнимала вместо жен.

Я с ними связан отдаленным родом.
Несу в крови горячий дых огня.
Над головой застывшая порода
Братала с мужеством меня.

Качали вниз стремительные клетки.
Качали вверх—захватывало дух.
И на лице моем румянец смерти
Улыбками зачеркнутый потух.

И если ветер по весне колышет
Заэстокадой нежно тополя—
Я обнимаю девушку и слышу—
Меня ревнует черная земля.

Рожденные в двенадцатом году,
Которых метит уголь шрамом синим—
В защиту радости веселые пройдут
Тела не удалью, а мужеством пружиня.

Смелее товарищ! Ни шагу назад!

Смелее, товарищ! Ни шагу назад!
Идут легионы ударных бригад.
За дело победы, геройства и славы
Идут в деревянные челюсти лавы.
Где крепи, как зубы, ломаясь, трещат.
Смелее, товарищ! Ни шагу назад!
Нависшая кровля крепление ломала.
Хранила предательский ужас обвала.
Накренились стойки. Качнулись они.
По лаве тревожно метнулись огни...

А в лаве конвейер породой зажат.
Смелее, товарищ! Ни шагу назад!
И крикнул забойщик:

- Давайте-ка лес.

И первым в осевшую лаву полез.
Была одержима порывом одним
Бригада, ушедшая следом за ним,
С размаху по стойкам стучат топоры.
Движенья порывисты, точны, быстры.
Работают молча. Усталости нет.
Поставили клетки. Пробили комплект.
Застыли нависшие слитки громад.
Смелее, товарищ! Ни шагу назад!

1934

Ночная молотьба

Полночь.
Плотный сумрак на изломе,
Он к земле безветрием прижат.
Как шмели, запутавшись в содоме
Молотилки на полях жужжат.
И горят костры, всю ночь над станом
Кружится дозорная луна.
И пылят машины неустанно
Золотыми брызгами зерна.
Расцветают звезды-незабудки,
Свежий ветер ветви клонит чуть.
Бригадир не спит вторые сутки.
Он устал.
И хочет отдохнуть.

Но веселый парень,
С ним ровесник,
Поборол сегодня ночью сон,
Любит он девах и любит песни,
И работу крепко любит он.
У него на лоб сползает кепка.
Неуемен молодости пыл.
Он, как девушек, руками крепко
Обнимает желтые снопы.
Бригадир уснул поджавши ноги.
Но не спит,
Бензином дышет стан...
Всадник быстро мчится по дороге
На ходу привстав на стремяна.
Эго-
Ночью сон одолевая,
Уловив машин привычный рев,
У костров внезапно вырастает
Петр Григорьевич Январев.
Жеребец храпит.
И пена мылкая
У него на крупе вороном.
И всю ночь на пашне молотилки
Фонтанируют зерном.
И всю ночь
Сквозь синие туманы
Мчится всадник, плотно стиснув
рот.
Старые, от стужи ноют раны,
Но гремит в ушах девиз
«Вперед!»

В час, когда рассвет подъемлет
зори
И в кустах, как мысль, блестит
река,
Он, гнедого жеребца пришпорив,
Поглядит на облака.
Поглядит на них из-под ладони,
Скажет так:
- Погода хороша!
Облака, как вражеские кони
Отступают тяжело дыша.

Что лицо твоё туманно

Что лицо твоё туманно,
Нет улыбки, голос тих,
Золотой песок Алдана
Не блестит в глазах твоих?
А припомни, как бывало,
Выходила в тесный круг
И смеялась, и плясала,
И задорила подруг.
А припомни, как бывало,
Только лад гармонии тронь,
Ты частушки запекала
Под весёлую гармонь.
А припомни, как бывало,
На рассвете золотом
В первый раз поцеловала

Парня с пасмурным лицом.
Ты припомни по порядку
Светлой юности дары:
Голосистую двухрядку,
Игры, песни и костры.
Всё припомни, дорогая!
Вспоминая, улыбнись,
Чтобы искра золотая
Засияла у ресниц.

1937

Сто берёз

По рельсам Турксиба, путями степными,
Проносится поезд в оранжевом дыме.
За степью на небе вечерний закат
Похож на цветной полосатый халат.
Бесплодные степи... Багровый Восток...
Сухой солонец и горячий песок.
Курганы, и ветер, и синие дали...
Две длинные кромки накатанной стали.
Я слышу сквозь гулкое пенье колёс
Название станции: "Сто берёз".
Но, прыгнув на землю с подножки вагона,
Гляжу на окрестности изумлённо:
Деревьев не видно, лишь ветер колючий
Пыль поднимает, как чёрную тучу.
Пророчество вижу в названии этом -
Хороша тема даётся поэтам.
Те люди, что станцию так называли,

Смотрели уверенно в ясные дали.
И время покажет - мы этому верим -
Шуметь здесь широким тенистым деревьям.
Упорные люди эпохи великой
В бесплодные степи направят арыки.
1939

Мне тебя прельстить сегодня нечем

Мне тебя прельстить сегодня нечем -
Песня задушевная не в счёт
Над степным, над горным Семиречьем
Разыгрался ветер, снег идёт.
Сад прикрыт серебряной попоной,
На привалках облака висят.
Но, завидев ясность небосклона,
Петухи цветные голосят.
Значит, будет славная погода.
И узор на стёклах расписной.
В декабре сорокового года
Снова пахнет в воздухе весной.
С полдня начинаются капли,
Ноздреватым делается снег.
Если б соловьи ещё запели
Над страной семи студёных рек!
1940 Алма-Ата

Заволокло туманом горы

Заволокло туманом горы,
И низко хлопья туч висят.
Лебяжий пух покроет скоро
Осенний сад.

Листы на дубе заржавели,
И облетел озябший клен.
А я в тебя, как и в апреле,
Еще влюблен.

Я помню каждое движение,
Походку, голос нежный твой.
В саду осеннем пахнет тленьем,
Сухой травой.

Уже варенья наварила
Соседка на зиму давно.
Уже в бочаре забродило
Мое вино.

На теплом ватном одеяле,
Заждавшись дочь, уснула мать.
А мы еще не все сказали.
И что сказать?..

Вот ты мелькнешь и скроешься за домом.
Уснешь и будешь видеть сон:
Тропинку в садике знакомом,
Озябший клен.

Меня иль, может быть, другого —
Ведь разные бывают сны.
Так знай, я не сказал ни слова
Лишь до весны...

Заволокло туманом горы,
И низко хлопья туч висят.
Лебяжий пух покроет скоро
Осенний сад.

1940

Просишь ты лирических стихов

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаенный вздох
Все слова любовью отвечали.
Что же, принимаю вызов твой!
Я не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыханье.

О, как величав язык любви!
Бьется сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далеком детстве называла.

Я опять читаю наизусть

Первое свое стихотворенье.
В нем такая искренняя грусть,
Буря чувств, черемухи цветенье.

Осыпаются с черемухи цветы.
Затаит она дыханье на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздья крупных и созревших ягод.

Ты пила черемуховый сок,
Золотой от солнечного света.
Потому веселый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

В. ЧУГУНОВ ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

I

Сосна

На склоне дня в червонной позолоте
 Стоит сосна, стройна и высока.
 Над ней летят, сверкая, самолёты
 И белогрудые кочуют облака.
 Её вершину молнией могучей
 Гроза разбила. И у той сосны
 В бессильном гневе бронзовые сучья
 Над голою землёй занесены.

Хранит сосна на смуглом теле знаки
Далёких встреч и чьи-то имена.
По вечерам в сыром и плотном мраке
Ей грезились былые времена.
Ей вспоминалась прелесть диких вёсен,
Когда в корнях рождаются ключи
У одиноких лермонтовских сосен;
Когда рычат потоки, бьются косачи.
И вновь трубит весна...
Опять в овраге,
Беснуясь, мчится бурная река,
Горят костры, и вспыхивают флаги,
По полевому шпату бьёт кирка;
И режет землю звонкая лопата,
И злые корни рвёт в глуби земли...
Здесь будет парк. Весёлые ребята
К сосне недаром песню принесли.
Они поют о мурманской дороге,
Они поют: «Стояло три сосны,
Со мной прощался милый...» И о многом
Поют они, хмельные от весны.
И зашумели ветви, закачались,
Пролетный ветер наклонил сосну.
Под нею тоже, может быть, прощались
И назначали встречу на весну.
И вот сосна совсем по-человечьи
Навстречу людям ветви подала,
Чтобы при новых и счастливых встречах
Под нею наша молодость цвела.

1935

Подруга

Когда хрипят часы и бьют двенадцать,
И стрелки черные сливаются в одну,
Я так хочу с тобою повидаться,
Открыть тебя, как новую страну.

Тебя, подругу детства, не забыл я
И, четверть века на земле прожив,
Почувствовал сегодня с новой силой
Воспоминаний «радостный наплыв.

Земля цветет. Ее весенний запах
Теперь как никогда волнует кровь.
Но мы с тобой познали не в атаках
К земле и родине огромную любовь.

Мы смутно помним годы боевые,
Нас не ожгли жестокие бои.
Веселые, от солнца золотые
Выходят в жизнь ровесники мои.

Припоминаю: шел с тобой полями.
Был жаркий полдень, мне хотелось пить.
И поднял я стакан снаряда в яме,
Чтоб из ручья мне жажду утолить.

Пропахший дымом и грозой военной,
В руках дрожал надколотый снаряд,
Я пил до дна, хмелея постепенно,
А губы до сих пор еще горят.

Вот это все, что нам напоминало
Бои во имя солнечной земли,
Чтобы на ней пшеница волновалась
И золотые лютики цвели.

Снаряды землю вновь рванут картечью
И на цветы надет зловонный дым.
Тебя - сестру на фронте если встречу,
Мы детство вспомним и поговорим.

12 декабря 1937 года

Широка и обильна страна,
Нерушимы ее границы.
В этот год прошумела она
Небывалым разливом пшеницы.
И великая Волга-река
Под кремлевские древние стены
Катит волны, покрытые пеной,
Отражая в себе облака.

А на башнях, в миллионы карат
Размерцавшись огнями цветными,
Наши красные звезды горят,
Самолеты проходят над ними.
Через Северный полюс прошли,
От Москвы до Японского моря,
С ураганами ярыми споря,
Не теряя родимой земли.

И двенадцатый день декабря
В новых песнях прославлен недаром
Это новой эпохи заря
Над земным разгорелась шаром.
Бушевала весь день непогода,
Но казался мне солнечным день:
Я от сердца подал бюллетень
За вождя трудового народа.

Новый год

От границы Дальнего Востока
До Москвы отправился в поход
Молодой, плечистый и высокий
И такой весёлый Новый год.

Тишину нарушив на заставах,
Бьют часы двенадцать раз подряд.
И великой Родине во славу
Песни оборонные гремят.

К Комсомольску Новый год шагает.
Радость этой встречи не уймёшь.
Он с большим волнением обнимает
Боевую нашу молодёжь.

На столах в бокалах семицветных
Золотое пенится вино.
Бьют часы. И время незаметно

Молодому году отдано.
Он по городам и селам снова
Отправляется в далекий путь.
У него, такого молодого,
Вовсе нет желанья отдохнуть.

Побывал в Чите и у Байкала -
Нипочем ему седой мороз.
И звенели в честь его бокалы,
Песни подымались выше звезд.

В Красноярске бьют часы... Готовьтесь:
Это значит, ровно через час
Долгожданным и веселым гостем
Новый Год появится у нас.

Он идет спеша. И где-то близко
Под его ногой снега хрустят.
Славный миг - часы в Новосибирске
Мерно бьют двенадцать раз подряд!

Так здоровый, бодрый и веселый
Молодой, неудержимый год
Через города, поля и села
До Кремля московского дойдет.

И, как время, мчатся мысли наши
К Сталину, в Москву — через Урал...
И часы Кремля на древней башне
Заиграли «Интернационал».

Май

В этот славный год сама природа
Раннею весной обрадовала нас,
И мечта великого народа
Вольной птицей к солнцу поднялась

На земле республики Советов
От морей до цепи синих гор
Столько майской радости и света,
Так разнообразен разговор.

Мы как клятву повторяем:
Сталин! Это имя силу нам дает,

Открывает солнечные дали
И к победам Родину зовет.

Слышишь ты раскат далекий грома,
Только туч не видишь ты вдали...
Это от земли аэродрома
Поднялись стальные корабли.

А земля гудела, (выгибаясь,
От натуги вздрагивала вся.
Это танки, громохвая, мчались,
Кони пролетали на рысях.

Закаляй, земля родная, нервы!
Сбор труба военная поет.
Это на весенние маневры

Армия великая идет.

Весна в городе

Черный снег растаял на панели
От лучей апрельских и капли.

Солнца золотые самородки
Блещут в круглой луже, острой льдине.
Подойди, —
Возьми свою находку!
Подошел —
И нет ее в помине.

То ли солнце скрылось?
Или, застя,
Тень косая пала от меня?
Только наше не исчезнет счастье,
Как сиянье в светлой льдине дня.

Пала тень...
На сердце долго, долго
Холодно, как в льдине голубой.
Под руку возьму тебя я, Ольга,
И пройдемся городом с тобой.

Рассыпая брызги из-под крыльев,
Проискрившись лаком и стеклом.
В голубом дыму автомобиля
Мчатся, исчезая за углом.

По дуге железной огибая
Площадь Сталина,
Неистово звеня,
Двигутся зеленые трамваи.
Голубые лужи зелены.

Сколько солнца!
Никакая туча,
Облака, бросающие тень,
Мы закроют голубой, могучий.
Куполообразный этот день.

Мы идем по улице...
И снова
На панелях, в скверах и садах
Самородки солнца золотого
И апрельский день в твоих глазах!

Жажда

В тайге жара. Глубокий лог
Гнилой испариной дымится.
Идешь вперед - и нет дорог,
И нет ручья, чтобы напиться.
Я грежу, как журчит ручей.
Раздвинув корень древней ели.
Иголки низовых ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.
Над ним порхает мотылек.

Букашки ползают по илу.
Живой воды один глоток
Вливает в тело жизнь и силу.
Я так ищу любви твоей,
Как ищут ключ у корня ели,
Где иглы низовых ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

Стихи без названия

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строчки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаенный вздох
Все слова любовью отвечали.

Что же, принимаю вызов твой!
Я не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыханье.

О, как величав язык любви!
Бьется сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далеком детстве называла.

Я опять читаю наизусть
Первое свое стихотворенье.
В нем такая искренняя грусть,
Буря чувств, черемухи цветенье.

Осыпаются с черемухи цветы,
Затаит она дыхание на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздья крупных и 'Созревших ягод.

Ты пила черемуховый сок,
Золотой от солнечного света.
Потому веселый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

Ты припомни день июльский

Ты припомни день июльский,
Тальником заросший вал.
В тростниковую свистульку
Ветер песни напевал.

Срезал я свистульку эту
И у розовой воды,
Сам подсвистывая лету,
Трогал чуткие лады.

Ты на берег выходила,
Весела и молода,
Ты с собою выносила
Два покрашенных весла.

И на лодке остроносой
Уезжая в тальники,
Заплетала в черны косы

Лилий белые венки.

Только нам пришлось проститься -
Поворот событий крут:
Ты уехала учиться
В медицинский институт.

Наши лилии завяли,
Лодка дремлет кверху дном.
И снежинки залетали
Белой стаей над прудом.

Ты приедешь в день июльский
На каникулы домой.
Срежу я опять свистульку -
Жди сигнал условный мой!

С четырех сторон пихтач и кедры

С четырех сторон пихтач и кедры,
Над прудом черемуха цветет
И роняет в темный омут щедро
Лепестки и ветки каждый год.
У обрыва из густого ила
Ласточка гнездо себе слепила.

Твой отец живет в домишке старом,
В комнатах -покой и тишина.
На стене твоя висит гитара,
И у ней оборвана струна.

В дальнем городе, залетная, живешь ты.
Ждет отец и не дожидется почты.

Ты отца седого успокой,
Обещай приехать в домик старый,
Чтоб своею опытной рукой
Вновь настроить звонкую гитару.
Старику все ночи напролет
Снится край, где дочь его живет.

Что лицо твоё туманно

Что лицо твоё туманно,
Нет улыбки, голос тих,
Золотой песок Алдана
Не блестит в глазах твоих?

А припомни, как, бывало,
Выходила в тесный круг
И смеялась, и плясала,
И задорила подруг.

А припомни, как, бывало,
Только лад гармони тронь,
Ты частушки напевала
Под веселую гармонь.

А припомни, как, бывало,
На рассвете золотом
В первый раз поцеловала

Парня с пасмурным лицом.

Ты припомни по порядку
Светлой юности дары,
Голосистую двухрядку,
Игры, песни и костры.

Всё припомни, дорогая!
Вспоминая, улыбнись,
Чтобы искра золотая
Засияла у ресниц.

Тамара

Небосклон закатом разукрашен,
Светлая за городом река.
За рекой стоят, подъемля башни,
Синие, как скалы, облака.

Будто там стремительным потоком
Дикий Терек гонит валуны,

У царицы в терему высоком
Свечи цвета молний зажжены.

С тех ли скал заоблачных, Тамара,
Ты идешь по скверам городским,
Смугло-золотая от загара,
С легендарным именем своим.

День в закате... Около купален
Золотые небо и вода.
На песок остывший тени пали,
Скоро вспыхнет первая звезда.

Белоснежный лермонтовский парус -
Я его, как в детстве, узнаю –
Увозил красавицу Тамару,
Героиню лучшую мою.

За кормою волны пробегали,
Ветер задышался в парусах.
Как мечта, как счастье мчался ялик
С голубой каймою на бортах.

И на кромке голубого цвета
Изумленный вдруг увидел я:
Имя русского великого поэта
Омывала пенная струя.

Октябрьская здравица

Да здравствует наша большая держава.
Ее двадцать первый прославленный год.
Да здравствует наша всемирная слава,
Которую добыл советский народ!

Мы жадно смотрели в открытые дали,
И каждый был творческой мыслью томим.
Построили сами асфальтовый Сталинск,
И зарево плавок пылает над ним.

II

Посевная

На заре, когда порхает ветер
И дымится талая земля,
Мимо белых домиков и ветел
Тракторы выходят па поля.

Началась в колхозах посевная!
Мастеров земля к себе зовет.
Вылетает песня молодая,
Жаворонок свищет и поет.

Мы распашем землю тракторами
И засеем золотым зерном.
Пролетает ветер над полями,
Всходы пробивают чернозем.

Прорастет зерно, заколосится,
Расцветет советская земля
От далекой будки пограничной
До звезды рубиновой Кремля.

Выйдешь в поле - не окинешь взором
За весну распаханной земли,

Уходящей к лесу и озерам,
К небу примыкающей вдали.

Режьте пашню, лемеха литые,

Глубже поднимайте целину,
Чтоб ходили волны золотые
Через всю могучую страну!

На колхозном стане

Жгли костры. Пришла бригада.
В поле жить не хуже нам!
Пели девки. Села рядом
Бравых парней дюжина.
Коренаста и плечиста,
На басах простужена,
В крепких пальцах гармониста
Песня — слаще ужина.

Парень ставил рожь в суслоны,
Хлеб машиной новой жал.
Нынче вышел в круг с поклона
И на жницу указал.
От костров пылали лица,
Лунный свет в кустах лежал.
Улыбнулась парню жница.
Парень руку ей пожал.

Закружилась, как волчок,
Вздернув смуглое плечо.
- «Милка, чок, милка, чок.
Милка, чокаешь по чо?»
Дробью сыплет каблучок,

Вьются руки гибкие,
И цветет румянец щек
Яркими улыбками.
Полный колос клонит рожь
На тропинку узкую.
И, задоря молодежь,
Пляшет парень русскую!

Ночная молотьба

Лес стоит в ночной глубокой дреме,
На токах всю ночь костры горят.
Как шмели запутавшись в соломе,
Молотилки за рекой жужжат.
По оврагам, сквозь рябой кустарник,
Без дорог, привстав на стремяна,
К полевому стану мчится всадник,
В облаках над ним плывет луна.
Старая опять заныла рана,
Ломит руку -
Непогоде быть...
Он рукой больною неустанно
Начинает лошадь торопить.
Всадник сам себе твердит сурово:
- «Нужно в срок закончить обмолот».
По сухой земле стучат подковы,
Разрывая спутанный осот.
Близок стан.
В кустах уже светлее:
Полыхает небо от костров.

Разрывает темень все сильнее
Молотилок неумный рев.
Багровеют в темноте березы,
И, с трудом одолевая сон,
На седле бодрится предколхоза
Рысью к стану подъезжает он.
Говорит он:
- «Будет непогода.
Поспевай, ребята: малый срок!»
И опять, натягивая повод,
В темный поворачивает лог.
Он уже к другому стану мчится.
Без дорог, привстав на стремена.
У реки в кустах туман клубится.
Бледная над ним плывет луна.
По дорогам, скорость набирая,
В темноту идут грузовики,
И пшеницы выюга золотая
Улеглась в упругие мешки!

Золотая осень

Золотая солнечная осень
Принесла богатый урожай.
Мы с утра овсы густые косим,
Радость песней льется через край.

Солнце красит у берез верхушки,
На поля уже ложится тень.
Запевайте, девушки-подружки,

Трудовой на славу кончен день.

Потухает зарево заката,
Ветер лег, смирившись, на покой.
Луговины пахнут сладкой мятой.
Коростели свищут за рекой.

На колхозном опустевшем стане
Тихо тлеют угли-огоньки.
И гуляют, уходя в туманы,
Девушки и парни у реки.

Но когда рассветом золотистым
Озарится поутру земля,
Вся бригада вместе с гармонистом
С прежней песней выйдет на поля.

Колхозный шофер

Дорога размыта дождем проливным,
И ветер, качая лесины,
От листьев опавших казался цветным
Сквозь потную раму машины.

С разлета к стеклу прилипают листы
И блекнут, как искры пожара.
А в плотную массу ночной темноты
Врываются яростно фары.

Знакомы шоферу лесные объезды,

Ненастная полночь ему не страшна.
Сквозь тучи пробились далекие звезды,.
На миг показалась луна.

Он скорость прибавил. За рамой машины
Уныло, дождливо, черно.
Дорогой размытой по лужам и глине
Он все-таки возит зерно.

Его заждались на приемочном пункте,
А дождь по стеклу моросит.
Вздыхает приемщик: «Уверены будьте,
В трясине машина сидит».

Сиреной покой ожидания нарушен
И фары осеннюю непогоду рвут.
И парень промокший, в дежурку шагнувши,
Сказал: «Опоздал на пятнадцать минут».

Советует сторож: «В погоду такую
Сидел бы в тепле, отдыхал...»
Шофер закурил папиросу кривую
И, дым выпуская, сказал:

«А ну, разгружайте скорее машину!
Поеду, ребята, хотя и промок.»
Он вышел на улицу... Сильную спину
Под первый подставил мешок.

Рассказ тракториста

...Да, пограничный наш колхоз
Все больше заседал пшеницы.
Однажды ночью довелось
Пахать целик возле границы.

На третьей скорости мотор
Гудел... Я выжимал педали.
Невидимые цепи гор
Далеким эхом отвечали.

Гляжу на ближние кусты...
Вполне понятная картина!
Ползет ко мне из темноты
К земле пригнувшийся детина.

Я понял сразу, что не свой,
И мысль внезапная сверкнула.
Схватил масленку, крикнул: — «Стой!»
Направив в грудь бандиту «дуло».

Бандита сразу страх берет,
Его замучила одышка.
Кричу ему: - «Айда вперед!
Бежать не вздумай, будет крышка!»

Остался невредим и цел...
Я по военному уставу,
Держа масленку «на прицел»,
Привел бандита на заставу.

И вышла благодарность мне
От всех бойцов погранотряда.
Я знал, что в нашей стороне
Всегда находчивым быть надо.

Мы поднимаем целину,
Чтобы на ней шуметь пшенице,
И сторожим свою страну
С бойцами вместе на границе.

III

Песня о Петре Сухове

За рекой, беду почуя, закричал болотный
лунь.

Под горой в камнях гремела дикая Катунь.

Как тяжелые орудья, гром гудел вдали.
Конвоиры партизана на допрос вели.

Шел он молча, стиснув зубы и насупя бровь.
Из глубоких ран сочилась огненная кровь.

Перебит отряд... В Катунь бурая вода.
В штабе спрашивают: «Сухов?» Отвечает:
«Да!»

И сказал, расправив плечи, в свой последний
час:
«Я умру, но не убьете весь рабочий класс!»

И, сказав, усталым шагом он во двор идет.
Пропускают конвоиры Сухова вперед.

Встал у яра. Распахнул он куртку на груди
За спиной Катунь ревела. Пули впереди.

И сквозь дикий рев Катунь щелкнули курки.
Он вздохнул, и сразу душно стало у реки.

Был последним, тяжким вздохом воздух весь
испит.

Грянул залп. Упавший с яра у Катуни спит.
Сон глубок... Реке не спится. С самого утра
Бьются волны о могилу, чтоб поднять Петра.

Эту землю, где лежит он, черную, как дым.
Никому в боях грядущих мы не отдадим!

Песня о Чкалове

Над полюсом лютым,
Где лед громоздится
И вьюга сердито поет,
Как гордая, смелая,
Сильная птица,
Советский летит самолет.
В ледовую стужу,
В бесстрашный поход
Ведет ее Чкалов
С друзьями вперед.
И слушают люди
С дрейфующей льдины,
Покрытые снегом седым,
Как бьется горячее
Сердце машины.
Теплее становится им.
Сквозь снежные бури
Вперед и вперед

К намеченной цели
Летит самолет.
Они прилетели,
Овеяны славой
И родине сердцем верны.
И подвигом смелым
Гордятся по траву
Народы великой страны.
Сквозь снежные бури
И сетку дождя
Вело их любимое
Имя вождя.

Шахтерская

Каждый день веселою гурьбою -
Веселее надо поискать -
Мы идем в подземные забои
Первосортный уголь добывать.
Клетки нас опять спускают в гору.
Словно звезды лампочки горят,
И о нашем молодом задоре
По всему Кузбассу говорят.
Работай, товарищ!
Включается ток.
В уголь врезаясь,
Стучит молоток.
Огромная лава
Богата углем.
Мы к солнечной славе

Проходку ведем.
Ярче, ярче, лампочки, горите!
Молотки, врезайтесь глубже в пласт!
Ведь на самом твердом антраците
Ни один стахановец не сдаст.
Динамит взрывает крепкий уголь.
Рештаки конвейеров гремят,
А под кровлей, стройны и упруги,
Крепи в длинный выстроились ряд.

Работай, товарищ!

Включается ток.

В уголь врезаясь.

Стучит молоток.

Огромная лава

Богата углем.

Мы к солнечной славе

Проходку ведем.

По стволу с углем грохочут клетки.
Там сигналы часты и резки.
И навстречу солнечному свету
Заблестели черные куски.
Крепнет сила нашей обороны,
Честь и слава нашего труда.
И гудит металл в кузнечных домнах,
И по рельсам мчатся поезда.

Работай, товарищ!

Включается ток.

В уголь врезаясь.

Стучит молоток.

Огромная лава

Богата углем.

Мы к солнечной славе
Проходку ведем.

Песня девушки

На границе Дальнего Востока
У Амура часовой стоит.
В темном небе ясная, высокая
Золотая звездочка горит.

Звездочка мигнет и снова светится.
Ей всю ночь, всю ночь гореть.
Если суждено нам, милый, встретиться,
На звезду ты должен посмотреть.

Только ночь твоя чернее пороха,
И туманы выются над рекой.
Каждый куст тревожным полон шорохом..
Стереги границу, милый мой!

Пусть звезда в Амуре отразится.
Ты вперед внимательно гляди.
Ночь темна. Врагу через границу
В эту ночь, я знаю, не пройти.

На границе Дальнего Востока
У Амура часовой стоит.
В темном небе ясная, высокая
Золотая звездочка горит.

Песня о Новосибирске

Где-то рядом, очень близко.
Слышен; смех и говорок.
По садам Новосибирска
Пролетает ветерок.

И, звеня, идут трамваи,
Огибая поворот.
В бирюзовом небе тая.
Эскадрилия плывет.

Этот город очень молод.
Но растет он с каждым днем.
И за то, что вырос город
Песня сложена о нем.

Видно, мы такие люди:
Слово наше - наша честь
Если окажем:
- Город будет,
Это значит:
- Город есть!

Так слоим же, дорогая,
Поднимая тесню ввысь.
Про сады и про трамваи,
Про родной Новосибирск.

В первомайском сквере

В Первомайском сквере
Ледяные звери:
Слон, медведи белые.
Волк седой и лось.
Я доволен очень,
Что в двенадцать ночи
Мне с тобою встретиться
В сквере довелось.

Милая, взглядишь ты:
Елки серебристы,
Синие, зеленые,
Красные огни.
В эту ночь цветную
Я тебя целую,
Ты на мир глазами
Светлыми взгляни.

Пусть снежинки тают,
Пусть огни сверкают.
Гладкий лед на горке
Звонок, как хрусталь.
И горит над нами
Огненное знамя,
И, сквозь ночь и ветер,
Знамя рвется вдаль.

Яя

Шумно гонит воды Яя:
Дикий камень, тальники...
И журчат, в нее впадая,
Три таежные реки.

1

Голубой волне навстречу,
Из болот, как ночь глухих,
Выгибает спину речка
В тальниках береговых.

Баял парням дед горбатый.
Что у яра под кустом
В речке плавает усатый,
Почитай саженный сом.

Вентилья срывает с кольев,
Попадется - сети рвет
И гуляет по раздолью
Мутной речки взад-вперед.

Дед, конечно, рыбой бредил,
Сома видел с пьяных глаз.
Ради памяти о деде
Речка Пьяной назвалась.

2

А в тайге, где мгла лежала,

Из колдобин и ключей
Брал текучее начало
Голубой, как день, ручей.

Над ручьем пихтач и сосны.
Размывая темный лог,
Он несет золотиносный
Ослепительный песок.

И затерянной тропою
Мимо сосен вековых
Лоси ходят к водопою
На копытах золотых.

Хохотушки-зимородки
Вместе с перьями цветными
Носят в клювах самородки,
Украшая гнезда ими.

Из таких ручьев в Сибири
Воду черпают руками,
Раздувая ноздри шире,
Пьют короткими глотками.

Потому ребята крепки,
Коренасты, конопаты.
Золотые кудри кепкой
Не закроешь - маловата.

3

Меж крутыми берегами
Третья плещется река,
О горячий черный камень
Трет упругие бока.

В речке теплая водица
Гальку гонит волоком.
Если в речку заглядится,
Тучей станет облако.

И над черной речкой тотчас
Заворочается гром,
Вспыхнет огненная роспись
Под невидимым пером.

Там шахтеры в час заката
Ждут возлюбленных своих
У гремучих перекатов,
В тальниках береговых.

Парней метит черный уголь
Синей меткой вдоль плечей,
Чтоб их помнили подруги
Да любили горячей.

Шумно гонит воды Яя:
Дикий камень. Тальники.
И журчат, в нее впадая,
Три таежные реки.

Золотая трасса

У него от злой зеленой водки
Расплывались круглые зрачки.
Часто бредил он о самородке.
Найденном у голубой реки.

Значит, в путь тяжелый и неблизкий.
По тайге, сквозь заросли болот,
Берегами речки каменистой,
Золотыми тропами пойдет.

И когда на розовом закате
Облаков окрашивался дым.
Вздрогнув, лом отбросил приискатель,
Ослепленный блеском золотым.

Комары гудят. Лежачий камень
Остывает у таежных рек.
Высекая искры ягод ногами.
Побежал по камням человек.

За тайгою солнце опускалось,
Отекая глазом кровавым,
Он бежал. И все ему казалось:
Чьи-то руки тянутся за ним.

И, кусты колючие ломая,
Взмокнув весь от пота и росы,
Самородок к сердцу прижимая,
Приискатель выбился из сил.

Он упал. Зрачки его застыли.
Кровь текла над синею губой.
Мы его всем станом хоронили
У таежной речки голубой.

Вечер ник, лесной пропитан влагой,
А закат был розов и высок.
На реке гремели цепью драги,
Добывая золотой песок.

Молодые парни из артели.
Засучив по локоть рукава,
О вольготной жизни песни пели,
Подбирая новые слова.
Золотая россыпь веселит их.
В этот смуглый и вечерний час
Поднимают самолеты в слитках
Золотой республики запас.
Развернувшись над аэродромом,
Оставляют в небе синий дым.
Отвечает лес им дальним громом
И сердитым голосом трудным.

Обушок

Двадцать лет в забое уголь крыл он
Обушком горячим, как огонь,
Извелась на крепком угле сила,
Не ухватишь, плюнув на ладонь.

Помнит он, как в черный лоб забоя
Обушком рубал по рукоять.
Было два помощника,
И двое
Не справлялись уголь убирать.
Да пропал, как ветер в поле чистом,
Норов тот, что горы воротил.
Он спустился в шахту мотористом,
О былой работе загрузил.
...У теплушки встретил старика я,
Догоняя, крикнул:
«Моторист!»
И улыбка дерзкая такая
С губ его скользнула вниз.
Подошел, сказал он:
«Нынче в лаве Я опять работаю, браток!»
Улыбнулся снова и поправил
На плече отбойный молоток.
Понял я, над чем шахтер смеется:
Жизнь, как лава, движется вперед,
Обушком горбатым у колодца
Дочь его рубила хрупкий лед.

Сигналы

Два сигнала, возникая,
Отрываются от стали,
Вместе с ветром пролетая,
Умирают на отвале.

Ветер, будто на прогулке,
Ходит мимо эстакад.
Клеть разгружена...
И гулко
Возвращается назад.

У откатчицы, у Насти,
Руки смуглы и сильны.
У нее большое счастье
Восемнадцатой весны.

Чтобы громкий звук металла
Дальним эхом не погас,
Молотком по гулкой стали
Ударяют третий раз.

И сигнал смолкает третий
Чистым звонам серебра...
По стволу грохочут клетки
С черным углем на-гора!

У ствола - веселый малый,
Кучерявый стволемой.
Под ритмичный звон металла
В такт любимым трем сигналам
Он качает головой.

Горючий камень

Отрывок из поэмы

Старик-поселенец, хромой непоседа
Шутил, улыбаясь: «В тайге проживем!».
Ходил он один по звериному следу
С ягташем пустым и старинным ружьем.
Однажды в деревню пришел, запыленный,
Усталый, вспотевший, для легкости бос.
Он с броднями вместе в ягташе ременном
Черную глыбу угля принес.
С устатку, как водится, выпил медового,
Достал из ягташа угля кусок,
Хотел сказать какое-то слово,
Одышка мучила, сказать не мог.
А мужики потирали колени,
Шибко размахивали руками:
- «Эко, рехнулся Иван-поселенец!
Зачем бы ему горючий камень?
Печи топить? Не хватало печали!
Лесу округ полным-полно...»
- «Правильно!» - гаркнули и продолжали
Пить золотое хмельное вино.
А пьяный охотник буйнит, чванится.
Рубаху срывая, начал кричать:
- «За этот камень Иван-Иванычем
Будете, сволочи, меня величать!»

В Томске нашел, себе компаньона,
Кривой усмешкой вызмеил рот:
- «Затея - моя, капитал - Михельсона,

Стало-быть, делу дадим оборот».
Купил старику Михельсон не даром
Два дома в Томске... Дома - дворцы!
Иван Иванович живет, как барин,
Почил на лаврах и в воду концы.
Минули годы. Тайга редела,
Под топором отступая назад.
Раздул Михельсон миллионное дело
Возле черной реки Алчедат.
Росли над шурфами тесовые вышки.
На лапах железных вставали копры.
А в угольных тучах, как молнии вспышки.
Взрывались по черным забоям шпурь.
Звенела кайла. Вагонетки гремели.
Хрипела сирена. Дымился восток.
И грустную песню шахтерской артели
В рабочий поселок сносил ветерок.
Вороном грустная песня летала,
И руки висели, как слитки свинца.
Вагоны катая на гулких отвалах,
Откатчицы песню вели до конца:
 «Нет ни сахару, ни чаю,
 Нет ни хлеба ни куска.
 Вот теперь я понимаю,
 Что шахтерова жена!».
Дальнее эхо ответило глухо...
Дразнит фитиль языком кровавым.
Сыро в забое, а в горле сухо,
И песня сердца иссушила им.

Смерти в лицо привыкли смотреть

Шахтеры в ранние годы.
Били сигналы. Зыбкая клеть
Хлябала на путеводах¹.
Камень в забое зловеще тих,
Навис, как хищная лапа.
Шахтеры работали. Возле них
Горели открытые лампы.
Они дымились, маслом залиты,
Дымом глаза разъедало до слез.
А вагонетки, гремя на плитах.
Искры сыпали из-под колес.
Как-то упала на рельсу плаха,
Колеса долой соскочили с осей.
- «Был, - вспоминали, — парень-рубаха.
Смерть пришла - не собрали костей».
- «Уголь жирнее будет от крови!»
Так после молебствия и похорон
На плач семьи и на слезы вдовьи
Своим приближенным сказал Михельсон.
А по квартирам судили о том, как
Жизнь тяжела... Довольно молчать!
За камень горячий хозяина громко
Начали сволочью величать.

А камень горел! Михельсон доволен.
Ой миллионы пускал в оборот,
Закладывал наспех новые штольни,
Костями шахтеров считая доход.

¹ Путеводи—направляющие бруссы, по которым идет клеть.

Сам проживал в Москве, за Уралом.
Когда бунтовали, приказывал: — «Бей!»
Но шла забастовка девятым валом
К молу из сабель, пик и плетей.
По праздникам церковь медью гудела.
Плясали березы в церковной ограде.
С утра, задыхаясь, гармоника пела
С бубенчиком, в лентах и в пестром наряде.
Сверкал на дороге стеклянный осколок
Разбитой бутылки... И в эти дни
На «Вшивой горке» шахтерский поселок
Стонал от песен и пьяной резни.
Битым стеклом рассыпалось веселье!
Под всхлипы гармошки в шатучий круг
Шахтерские парни, хвативши зелья,
Плясать выводили своих подруг.
Задумали парни по первой распутице
Уехать за золотом на Бодайбо.
Заветная дума, наверное, сбудется...
Изба покачнулась, и стены кружатся.
В глазах пылает огонь голубой.
Ребята мечтали: тяжелое золото,
Как руку девчонки, зажать в ладонь,
Вернуться на копи и весело смолоду
На ветер пустить под шальную гармонь
Горели ребята спиртовым пламенем
И пропадали под гоп-да-ля.
Свинцовой обманкой сверкали желания,
А жизнь была - темнее угля.
И только иной за голову схватится,
Поутру с похмелья - душа в крови.

...У тусклых окон Любка-откатчица
Мечтала о чистой и светлой любви.
Уже петухи на нашестах кричат.
С помятых тужурок, вставая,
Парни дышат в лица девчат,
Руки им заламывая.

Темнота расширилась, набухла
И сомкнулась в целое с углем.
Где-то в штреке лампочка потухла
С обгоревшим фитилем.
И шахтер фитиль из свежей пакли
Вставил в лампу, выкрутил, зажег...
Где-то капля ударяла в каплю
И мурлыкал тихий водосток.
Уходил шахтер, не замечая,
Что фитиль упавший не потух
В темноте мигала искра злая
И глядела жадно в темноту.
Высохшая щепка затрещала,
Языком прищелкивая зло.
Выгибая огненное жало,
Пламя к стойкам подползло.
Залетал тревожно легкий пепел
Тело черное по штреку выгнул дым
И пополз он, обнимая крепи,
В узкие подземные ходы.

Пожарные кони, спутанные гривы

Закидывая на дуги, горят в бубенцах...
Глаза выкатываются, как спелые сливы,
Вперед! Вперед во весь мах!
Кони кружились возле шахты,
Роняя белую пену, закусывая удила.
По гудящему проводу телеграфного аппарата
С копей к Михельсону телеграмма текла
Трижды взыв, захлебнулась сирена.
Бабы подняли визг и вой.
Они, подгибая ослабшие колена,
Падали и бились о землю головой.
Багровый управляющий, как таракан усатый,
Короткими руками размахивал по сторонам.
Отталкивал старика, выкрикивая: - «Куда ты?
Ну, куда ты лезешь, глупая старина?»
- «К сыну!» - прохрипел старик ветхий –
«И выведу всех, запасные знаю ходы»...
Но был приглушен густой и едкий,
Косматый, словно чудовище, дым.
Тяжелую крышку на шурф взвалили.
Глиняный утрамбовали настил.
Жены напрасно в слезах молили
Шахтеров от верной смерти спасти.
Там под землей, задыхаясь от дыма,
Будто налиты тяжелым свинцом.
Падали старые и молодые
На мокрую почву вниз лицом.
Казалось, последнее их дыханье
Из щелей шурфа сочится дымком.
Даже у тех, что стояли в молчании.
К горлу катился удушья ком

Дрогнула толпа.
Заволновались головы.
Подземный в толпе прокатился гул.
Вышел, шатаясь, артельщик, тяжелое
Глухо вымолвил:
- «Не могу!»
Он шагнул к шурфу и взялся за крышку.
Его оттолкнули. Тотчас кругом
Оцепила стража дымящуюся вышку,
И на крышку пристав ступил сапогом.

Пожар заглушен. На мелкие части
Рвет управляющий от Михельсона ответ:
«Спасайте шахту при вашем непосредственном
участии
Ценою каких угодно жертв».

Посиделки

Натопили избу жарко,
Лампу-молнию зажгли...
Все колхозные товарки,
Чтоб связать бойцам подарки,
В избу с вечера пришли.

Поседевшие старухи
На скамью уселись в ряд.
Разговаривают глухо,
Но проворно ходят руки,
Веретёна в них гудят.

Тёс пощёлкивает в сенях.
В раме ясный диск луны.
И на выбеленных стенах
Мастериц косые тени
Ощутимы и черны.

Пряли молча. Молодухи
Замечтались о мужьях,
Внуков вспомнили старухи, –
Неплохие ходят слухи
О любимых казаках.

Казакам же, может, снится
После боя сладкий сон,
Как в родной степной станице
Пряжу пряли мастерицы
Под жужжанье веретён.

1942

Светлана

Я друзей обманывать не стану.
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.
Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.
Что скажу я в этот миг, ребенка
На коленях нежно приласкав?
Что не скоро я вернусь обратно.
А возможно, вовсе не вернусь...
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, все-таки не трусь!»
Может быть, в журнале иль

газете,

Что хранили быль наших времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»
А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.
Я друзей обманывать не стану.
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне...

1943

Кукушка

Над головою пуля просвистела.
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.
Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напополам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

15 апреля 1943 г.
Северный Донец

Все распри сводятся на нет...

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем –
Равно бедны, равно богаты, –
Грустим, смеемся и поем
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой! Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю, в травы,
Но жаворонок будет петь,

Цвести ромашки, незабудки,
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отторгнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи помяните.

А коль возьму над смертью власть,
Ток животворных сил почуя,
Всю поэтическую страсть
Вот в эти строки уложу я.

с. Первомайское

01.05.1943

После боя

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой...

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

10.05.1943

Завещание

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон,
Упаду в огне закатном
Вражьей пулею сражён,

Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнет, –
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.

Пусть ускорит он походку
Среди выжженной травы,
Пропотевшую пилотку
Не снимая с головы.

И, зажав винтовку твёрдо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за родину свою!

1943

Список источников

1. Алексеев, П. Наш друг, поэт и гражданин / П. Алексеев // Борьба за уголь. – 1971. - 22 сентября (№187). – С. 2.
2. Беленький, В. Навечно в строю / В. Беленький // Борьба за уголь. – 1975. - 02 августа (№154). – С. 3.
3. Владимир Михайлович Чугунов - все стихи автора. – Текст : электронный // pogovorka.com. - URL : <https://pogovorka.com/poems/author/vladimir-mihaylovich-chugunov> (дата обращения 12.02.2025)
4. Война и мир. Стихи о второй мировой войне : [Чугунов Владимир Михайлович]. – Текст : электронный // stihi1941-1945.ru. - URL : <https://stihi1941-1945.ru/item/chugunov-vladimir> (дата обращения 12.02.2025)
5. Классика земли Кузнецкой : в 3 т. - Т. 1 : Золотой запас поэзии Кузбасса. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. – 510 с.
6. Лощилов, В. О газете и журналистах / В. Лощилов // Борьба за уголь. – 1960. - 31 января (№22).- С. 2.
7. Макеев, Леонид. От составителя //Избранное. Стихи и проза /Владимир Михайлович Чугунов. - Алма-Ата: Казгослитиздат, 1951. - С. 3-5.
8. Слово писателя-земляка Владимира Чугунова // Борьба за уголь. – 1959. - 29 сентября (№196). - С. 3.
9. Умнов, Г. Памяти поэта-земляка / Г. Умнов // Кузбасс. – 1959. - 30 сентября (№ 231). - С. 4.
10. Умнов, Г. Слово о нашем земляке / Г. Умнов // Кузбасс. – 1959. - 29 ноября (№ 282). - С. 3.

11. Чугунов, В. Горючий камень : стихи / Владимир Михайлович Чугунов. - Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1939. - 39 с.
12. Чугунов, В. Смелее, товарищи! Ни шагу назад! / В. Чугунов // Борьба за уголь. – 1959. - 29 сентября (№196). - С. 4.
13. Чугунов, В. Клад на Алчедате / В. Чугунов // Борьба за уголь. – 1959. - 29 сентября (№196). - С. 3-4.
14. Чугунов, В. Клятва молодых / В. Чугунов // Борьба за уголь. – 1935. - 02 сентября (№161). – С. 4.
15. Чугунов, В. Мужество / В. Чугунов // Борьба за уголь. – 1934. - 12 сентября (№162). – С. 3.
16. Ягунов, Фёдор Мефодьевич Поэт, не вернувшийся с войны [о поэте-фронтовике Владимире Чугунове] /Федор Мефодьевич Ягунов. – Текст: непосредственный //Красная горка. Вып.11. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – С. 137-138.

Оглавление

ОБ АВТОРЕ	5
Слово писателя-земляка Владимира Чугунова	5
Памяти поэта-земляка.....	7
Слово о нашем земляке	9
О газете и журналистах	14
Наш друг, поэт и гражданин	20
Навечно в строю.....	23
Поэт-шахтёр, поэт-боец.....	24
Биография Владимира Чугунова	28
Поэт, не вернувшийся с войны	31
От составителя.....	37
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.....	40
Клад на Алчедате	40
Анжеро-Судженский	50
Клятва молодых	51
Мужество	52
Смелее товарищ! Ни шагу назад!	53
Ночная молитба	54
Что лицо твоё туманно	56
Сто берёз	57
Мне тебя прельстить сегодня нечем	58
Заволокло туманом горы	59
Просишь ты лирических стихов	60
В. ЧУГУНОВ ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ	62

Сосна	62
Подруга	64
12 декабря 1937 года.....	65
Новый год	66
Май	68
Весна в городе	69
Жажда.....	70
Стихи без названия	71
Ты припомни день июльский.....	72
С четырех сторон пихтач и кедры	73
Что лицо твое туманно	74
Тамара	75
Октябрьская здравица.....	76
Посевная.....	77
На колхозном стане.....	78
Ночная молотьба	79
Золотая осень.....	80
Колхозный шофер.....	81
Рассказ тракториста	83
Песня о Петре Сухове.....	85
Песня о Чкалове	86
Шахтерская	87
Песня девушки	89
Песня о Новосибирске.....	90
В первомайском сквере	91

Яя	92
Золотая трасса	95
Обушок.....	96
Сигналы.....	97
Горючий камень	99
Посиделки	106
Светлана	107
Кукушка	108
Все распри сводятся на нет... ..	108
После боя	109
Завещание	110
Список источников	111